

Елена Богатырёва

ТРИ ЖЕНЫ

Елена Богатырёва

**Три жены. Большое
кармическое путешествие**

«Издательские решения»

Богатырёва Е.

Три жены. Большое кармическое путешествие /
Е. Богатырёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852914-6

Каждый наш прожитый день — это след на карте Судьбы.
Переплетение наших путей — замысловатый узор. И если бы знать
заранее, что там, за следующим поворотом, возможно, не горела бы
так земля под ногами. Порой люди заперты жизнью, словно в темной
комнате. Они ищут выход, слепо натываясь на преграды, сбивая друг
друга с ног. Но каждый находит свой выход...

ISBN 978-5-44-852914-6

© Богатырёва Е.
© Издательские решения

Содержание

Три жены	6
ЧАСТЬ 1	7
1	7
2	13
3	18
4	23
5	29
6	35
7	37
8	46
9	50
10	54
11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Три жены Большое кармическое путешествие

Елена Богатырёва

© Елена Богатырёва, 2017

ISBN 978-5-4485-2914-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

© **Елена Богатырёва**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Сайт автора [битая ссылка] <http://elenabogatyreva.ru/>

<https://www.facebook.com/el.bogatyreva>

Три жены

К читателю

Жизнь – это большое кармическое путешествие. Или просто большое путешествие – как вам угодно. И разглядеть все причудливые его повороты возможно только в самом конце этого путешествия, перед уходом. Когда открываются небесные врата и уже подан корабль или экипаж, готовый нести к другому незнакомому берегу...

Тогда-то, на пороге, человек обретает мудрость, но уже не может воспользоваться ее плодами – запасы времени, оставленные ему, – ничтожны. Он не может рассказать о своем открытии детям – те вечно заняты собой и слишком нетерпеливы, чтобы понять... Внуки еще слишком малы и неразумны, а потому человек, собирающийся в последний путь, бесконечно, несказанно одинок.

Ему остается только обреченно наблюдать за чужими путешествиями. Он словно стоит на высокой горе и видит, как путник петляет среди полей то влево, то вправо, однако все время удаляясь от собственной цели. Он хочет крикнуть тому, что цель его – чуть левее, он готов указать дорогу, но слишком велико расстояние, чтобы слова его могли быть услышаны. Поэтому он лишь молча смотрит...

...и видит, как детство рвется вперед, стремясь поскорее вырасти из душистых сиреневых полей с золотокрылыми бабочками, отбросить невинность и выплеснуться в бурный жизненный поток. Он видит, как юность упивается каждым мигom своего существования, не оглядываясь назад и, увы, не только не заглядывая вперед, но и не глядя даже себе под ноги, отчего вечно спотыкается и набивает шишки. Он с тоской наблюдает, как зрелость кичится собственной силой и могуществом, напрочь позабыв о любви, как первые судороги неудовлетворенности проходят по ее безмятежному челу, как она страшится первых морщин и седых волос и совсем не боится Бога. Он видит, он все понимает, но ничем не может помочь...

Описание одного из таких чудесных путешествий я отдаю на суд публики. Вы перевернете первую страницу и сделаете первый шаг, а я мысленно буду идти за вами, потому что сколько бы я ни ходила этой дорогой, меня все равно тянет вернуться.

ЧАСТЬ 1

1

На этот раз она была волной. Она рождалась в самой сердцевине океана, поминутно росла, чувствуя, как множатся силы, как могучая страсть разрушения крепнет и делает дыхание тяжелым, как осатанело бьется пульс, когда она встает во весь свой исполинский рост и приближается... Какой-то жалкий островок, грудью-скалой вставший на ее пути, – ничтожная океаническая песчинка. Разве знаком ему подобный накал страсти? Разве он знает, какая сила снедает ее изнутри и какую мощь она собирается обрушить на его бутфорские скалы? Скалы похожи на руки, поднятые в мольбе о пощаде. Но она неумолима в своем гневe, в жгучем желании разрушить все на своем пути, она безжалостна, она...

И только в самый последний момент, разбиваясь о камни, рассыпаясь в сотню тысяч мельчайших брызг, она поняла, что смысл...

Дара проснулась в холодном поту, нащупала выключатель. Зажегся маленький ночник – желтый месяц – в другом конце комнаты. Она выбралась из-под одеяла и тихонечко прошла к столу, оборачиваясь на спящего мужа. Сегодняшняя ночь посылала вещие сны. Дара взяла ручку, тетрадь, которые приготовила с вечера, и стала быстро, вкривь и вкось, записывать, боясь упустить то чувство, которое открылось ей только что: «Господи! Даю тебе слово, нет, страшную клятву приношу тебе, Господи, что никогда, слышишь, никогда, ни при каких обстоятельствах, я не буду участвовать ни в одном сражении, ни в одной битве. Я не попадусь на уловку изощренной иллюзии, цепляющей всех и каждого, ты открыл мне, Господи, что нет в мире ни одной выигранной битвы, как нет ни одной проигранной. Потому что в момент упоения восторгом победы, именно в этот момент, начинается самое тяжелое и горькое поражение. Никогда я не вступлю в борьбу с несправедливостью, ложью, алчностью или ханжеством, потому что есть шанс победить. Оттеснить зло, переступить черту, а значит, оказаться по ту сторону... Победа – это не последний шаг в борьбе, это первый шаг к поражению...»

Она всегда писала молитвы для себя сама. И искренне верила и их чудодейственную силу.

Дара закрыла тетрадь дрожащими руками. Нет, ей все-таки не удалось выразить то потрясающее чувство, которое она только что испытала во сне. Выуженная из сна мысль убегала назад, как убегает волна, покрывшая прибрежный песок. А жаль. Но что же все-таки главное в том, что она сейчас почувствовала, поняла? Ах, вот. Не участвовать в битве. Это и есть послание вещей ночи. Проще сказать, чем сделать. Тем более что битва уже надвигалась и святые знамена были подняты не кем-нибудь – «мамой». Битва за ее отца. И очень трудно было уклониться от участия в сражении, очень трудно...

И самое-то смешное и страшное заключалось в том, что «мама» была ей не родной. Значит, теперь, решив уйти к другой, отец бросал их обеих. Двух совершенно чужих друг другу женщин. Двух женщин, проживших бок о бок двадцать лет, но так и не сделавшихся родными. Нисколько.

Может быть, виной тому фотография, которую Дара с детства прятала то в одном месте, то в другом. С фотографии смотрела на нее отрешенным взглядом женщина небывалой красоты – настоящая мама. Мама-волшебница, мама-ангел. Иногда она явственно слышала ее голос. И всегда – только одно слово: «Дарьюшка...» Слово звенело серебряным колокольчиком, звонко разлеталось вдребезги, как рассыпавшиеся по полу монетки...

Па седьмом году жизни она научилась наконец выговаривать слово «мама» по отношению к другой женщине, которая уже полгода хозяйничала в их доме. Она почувствовала, что отец ждет от нее именно этого. Иначе, она так думала, он снова станет сидеть целыми днями молча в комнате, изредка прижимая ее к своей колючей, царапающейся щеке, и шептать: «Бедные мы с тобой, бедные...» И тогда ей снова станет страшно, снова будет ветер завывать по ночам, снова бесконечные бездонные ночи будут тащить ее к себе, в свою черную пустоту... Она стала говорить другой женщине «мама», беря все-таки это слово в кавычки где-то в своей душе, не по-детски умело и тонко, хотя не знала еще, что у нее есть душа, и совсем не знала, что такое кавычки.

Тогда-то ей и пришлось в голову спрятать одну из фотографий мамы-ангела. И правильно, потому что все остальные со временем куда-то запропастились, воспоминания стерлись, и никто про маму-ангела в доме никогда больше не говорил. Даже когда Дара выросла, когда выходила замуж, когда ей так хотелось узнать, что же случилось с ее матерью, она не нашла в себе сил обратиться за ответом к отцу. Ей казалось, что он снова посмотрит на нее пустым страшным взглядом, как в детстве... Он все еще носил в себе этот взгляд, как и Дара носила свой страх перед бездонной ночной пропастью...

Она не могла нанести ему такой удар, она его слишком любила. Пусть остается сильным. Сильным? Смешное слово. Он был громадиной, явлением. На него можно было ходить смотреть, как на одно из чудес света. «Мой папа – начальник», – говорила Дара в детстве. «Начальник чего?» – интересовались почтительно взрослые. «Всего!» – уверенно отвечала она. Господь Бог, о котором она что-то где-то слышала, рисовался ей в детстве фигурой куда менее значительной, чем отец. Орлиный нос, громадный рост, пронзительно-синие глаза. Где бы он ни появлялся, за ним шла волна кипучей деятельности, энергии, энтузиазма. Он заполнял все пространство, каким бы большим оно ни было. Он царил везде: в своем кабинете, за праздничным столом в гостях, в маленьком магазинчике игрушек, куда они забегали с Дарой, на улице. Недавно Дара шла по Большому проспекту и вдруг увидела в толпе великолепного мужчину и залюбовалась, пока не поняла, что это ее собственный отец. Он выходил из банка, садился в машину. Дара не окликнула его, но ее охватила точно такая же гордость, как в детстве: посмотрите, это мой папа.

Отец все время что-то возглавлял, чем-то руководил, командовал целой армией людей, которые казались рядом с ним мелкими и незначительными, вечно мельтешили в их доме, смотрели снизу вверх. Перестройка застала отца во всеоружии, он развернулся, открыл свое дело и практически мгновенно создал громадную империю. Что-то такое с финнами, с венграми, связанное с техникой... Дара не вдавалась.

Она знала, что у отца золотые руки, золотая голова, но никогда не задумывалась, что у него есть личная жизнь. Ей казалось, что личная жизнь отца – это прежде всего она, Дара, ну и потом, конечно же потом, немного – «ма». Братик интересовал его постольку-поскольку. Он редко разговаривал с ним и уж точно никогда не говорил с ним так, как с ней. Может быть, он всегда помнил другого мальчика? Дара ведь помнила другого мальчика...

Даре стало холодно. Она сидела в шелковой коротенькой ночной рубашке, сохранившейся еще со времен школы, стараясь привести мысли в порядок и сосредоточенно вспоминая все, что случилось сегодня вечером.

«Ма» вызвонила ее на работе, попросила приехать обязательно.

«Что-то с отцом?» – вздрогнула Дара.

«Успокойся, – отрезала „ма“ – И приезжай, говорю тебе».

Когда Дара приехала, «мама» ее долго кормила и все ходила по кухне, хрустя пальцами. Дара ела и поглядывала на нее – ей казалось, что пальцы ее вот-вот рассыплются по полу. Братец, ее сводный братец, дома, как всегда, отсутствовал. «Не натворил ли чего на этот раз

серьезного? – соображала Дара. – Только я-то чем могу здесь помочь? Деньгами? Не хочет просить у отца? Вряд ли. Сказала бы по телефону...»

«Ма» включила кофеварку и, пока та шипела и стреляла сжатым воздухом, выдохнула, словно из последних сил сдерживала то ли крик, то ли рыдание:

– Он ушел к другой женщине.

Дара не сразу поняла, что речь идет об отце. Сначала подумала: братец? Да он женщин и не считал никогда. А потом только закралось и сразу обдало жаром – отец! Первое чувство было нехорошим. Первая мысль была о возмездии, а потом все летела и летела куда-то дальше, раскручивалась как спираль, пока Дара все шире и шире открывала глаза, снова сужала их от яркого воспоминания, нахлынувшего так внезапно и обдавшего стыдом...

Совсем недавно в ее жизни возникло приключение. Это было что-то ненастоящее, нереальное, что-то между василисками Гофмана и зеркалами Гессе. Она повстречала двойника, провалилась в бездонный его взгляд и едва-едва вынырнула, чуть не захлебнувшись в неожиданном наплыве безумия... или страсти? В этот день она заходила последний раз домой, нужно было поговорить с отцом о документах. Они сидели на кухне и пили холодное молоко. Дара боролась тогда со своим безумием и вдруг, взглянув на отца, опустила глаза. Ей показалось, что он понимает, что он чувствует то же самое. Его взгляд убежал куда-то сквозь стены, сквозь Дару. И что-то он видел, наверно, в этом пространстве, потому что губы вздрагивали поминутно отблеском улыбки. Все это длилось секунду, потом они снова заговорили азартно, жадно о перспективах лондонских Дарьиных начинаний, о предстоящей поездке. Но теперь вспомнилось так отчетливо, что, выходит, Дара все знала давно...

Так, наверно, вспоминается жизнь перед смертью. Мозаикой складывается протяженность судьбы вовсе не из тех событий, которые ты считал все это время главными. Смещаются акценты, открывается тайный смысл...

Свистопляска воспоминаний прервалась в тот момент, когда Дара вновь подняла глаза на «ма». Та как-то вся сникла, постарела, под глазами появились черные круги. Отцу не жаль ее? Она ведь спасла его когда-то, вытащила после смерти ее настоящей мамы. Дара всегда знала, ну по крайней мере ей всегда хотелось так думать, что их связывает вовсе не любовь, а огромная его благодарность за жизнь, которую ему возвратили, за Дару, которую спасли от бездонных провалов черных ночей.

– Как? – спросила она наконец. – Как это – ушел?

– Сама не знаю, – глухо сказала «мама». – Ничего не понимаю.

– Когда?

– Три дня назад.

– Антон в курсе?

– Знает. Да ему это... Только лишний повод напиться.

– Ты ему звонила?

– Секретарша все время отвечает, что его нет. Тебе он сам собирался сказать... Я не знаю...

Ее плечи вздрогнули, и Дара тут же подлетела, обняла:

– Ну что ты, «ма». Это какое-то недоразумение.

«Ма» вцепилась в ее руку холодными сухими пальцами:

– Дара, этого нельзя допустить. Слышишь? – Она говорила как учительница начальных классов, пытающаяся во что бы то ни стало донести смысл до неразумных детишек. – Ты понимаешь меня, Дара? Ведь только ты знаешь, только ты... Господи, это наваждение какое-то, это какой-то ужас. Нужно же было допить до такого!

Дара неприязненно поморщилась от последней фразы. Конечно, она жила теперь отдельно и встречалась с отцом редко. Видела, как он наливал в свой бокал исключительно

тоник, являясь на редкие совместные праздники. Но она знала также, что это для него – жертва, которую он приносит ей, Даре. С «ма» он так не церемонится. Она со школьных времен помнила, какой он иногда являлся домой, точнее, каким его иногда приволакивали «телохранители» – молодые мальчики, трезвые как стеклышко. Они звонили в дверь, спрашивали: «Куда?» – и, если открывала Дара, весело подмигивали ей. От унижения она готова была провалиться сквозь землю.

Последние годы «ма» рассказывала ей иногда, что «вносы тела» происходят все чаще и чаще, но Дара считала это преувеличением. В глазах «ма» загорался отчаянно злой огонек, а верхняя губа брезгливо подпрыгивала. Разумеется, она преувеличивала. Отец ни капельки не изменился, его лицо по-прежнему оставалось молодым и чистым, никаких следов пьяного угара, никаких мешков под глазами. Но теперь Дара почувствовала вдруг, что «ма» говорит правду. И всегда говорила правду. Отец действительно был... болен? Да нет же, в это поверить невозможно.

– Дара, этого нельзя так оставить. – «Ма» искренне хотела оставаться спокойной, но паника уже металась в ее сердце, топала маленькими ножками где-то в голове, отчего дрожали ресницы, губы. – Ты ведь понимаешь меня, правда? Ну кому он нужен теперь? Какая с ним жизнь? Сплошной кошмар! Понятно, что эта тварь польстилась на его деньги, пропади они пропадом...

Несмотря ни на что, было понятно, что этот кошмар «ма» продлила бы еще века этак на два. Она-то точно жила с ним не ради денег. Когда-то она свершила для него подвиг, и ей не хотелось думать, что подвиг этот был напрасен: отец с тех пор начал пить... Нет, это был подвиг с ее стороны – и точка. Двадцать лет она совершала для него другие небольшие подвиги: растила его дочь, чужую девочку, так и не войдя в ее душу за долгие годы, родила ему сына, на которого он редко обращал внимание, слушала его пьяный храп долгими бессонными ночами. Это было несладко, но это не должно было кончиться никогда. Что ей теперь осталось? Деньги, квартира, машина, набор бриллиантовых серег. Что она будет с ними делать? Нет, ей было просто необходимо продолжать свою героическую деятельность и все время чувствовать его не выраженную благодарность...

– Ты обязательно поговори с ним, слышишь, Дара? Обязательно. Позвони... Нет, лучше поезжай прямо на работу и дождись его. Жди весь день, пока он не появится у себя. Дара... ты...

Она все-таки не выдержала, зарыдала. Все это было непереносимо и похоже на сон, наваждение. Похоже на то, чего никогда в жизни случиться не могло бы. Как сюжет фильма ужаса, про который ты всю жизнь знал, что так не бывает, а он случается именно с тобой.

Дара гладила «маму» по голове. Странное чувство. Наверно, она так же гладила ее, чужого ребенка, в детстве. Странная смесь брезгливости, что ли, и бескорыстной любви ко всему человечеству.

– Я обязательно с ним поговорю.

Проще сказать, чем сделать. Только бы сейчас она не начала кричать, что они с отцом похожи как две капли воды. Только бы не начала... Да и что Дара может сказать ему? «Папа!» – «Что, моя дорогая?» – «Что случилось?» Так ведь он обязательно объяснит ей, что случилось. В конце концов, почему она должна вмешиваться? Он ведь никогда не вмешивался в ее жизнь. Но почему же ей так больно? У нее ведь давно своя семья, свой дом, дочь. Бросил отец не ее, а женщину, которая ей вовсе не мать. При чем тут она? Что же так щемит в сердце? Жалость? А может быть...

Действительно, если он ушел, значит, полюбил другую. Верно ведь? А полюбив другую, предал маму-ангела. Ту небесную красавицу с фотографии предать было невозможно. Ей было безразлично все, что происходит у них тут, на земле. Она была далека от таких мелочей. Отец предал ее память, гнездившуюся в сердце маленькой дочери. Той малень-

кой девочки, щеку которой он исколол когда-то щетиной, внушив ей раз и навсегда великое несчастье: бедные мы с тобой. Теперь, выходит, она, Дара, по-прежнему бедная, а он, значит, – нет. Исцелился? Спаса с их тонущего корабля? Оставил ее одну?

Дара почувствовала, что плачет, не сразу... Так они сидели и плакали. Первый раз плакали вместе две чужие женщины, прожившие бок о бок двадцать лет...

Потом Дара позвонила Сергею, попросила приехать ночевать к «ма». Он очень удивился, но приехал сразу же после работы, не задерживаясь. «Решил, наверно, что наследство делим», – зло подумала Дара, открывая ему дверь и вглядываясь в растерянное лицо. «Ма» закрылась в своей комнате. Сергей, выслушав сообщение, пожал плечами, сказал несколько раз «ничего не понимаю», посидел немного, но чувствуя, что ничем не в состоянии помочь, лег спать. А Дара ходила из одной комнаты в другую, с ужасом ожидая возвращения пьяного братца. В час ночи он соизволил позвонить и заплетающимся языком сообщить «ма», чтобы сегодня его не ждала.

– Черт с тобой! – бросила та трубку и тут же снова разрыдалась.. – Никому не нужна...

– Ну что ты, – успокаивала ее Дара, – ну что ты...

Ну не ей же она нужна, в самом-то деле!

...Дара когда-то была маленькой девочкой. Эта девочка с косичками, притаившись в глубине ее души, до сих пор посматривает на мир широко раскрытыми от ужаса глазами. Она совсем не помнила свою настоящую маму. Только какие-то ее флюиды – запах, запястье, волну воздуха, перемещающуюся за ней по комнатам. Еще она помнила то ощущение, когда прижимаешься к маме крепко-крепко: блаженство, рай. Объятия любимого мужчины – совсем не то, совсем. Мама-ангел с фотокарточки смотрела мимо Дары, в пространство, сквозь стены. Сколько Дара ни разглядывала эту фотографию, ей все время хотелось, чтобы та смотрела на нее, на Дару, и чтобы улыбалась ей. Но все подступы к раю были закрыты.

Мама умерла, и Дара догадалась об этом не сразу. Сначала ей говорили, что та уехала надолго, а потом появилась «ма». Но ведь кроме настоящей мамы был еще настоящий брат. Она помнила его смутно: мальчик с синими, как у отца, глазами. И это был не сон и не ее фантазия. Мальчик действительно был. Рассказывал Даре сказки на ночь, говорил, что мама стала ангелом, что она всегда была ангелом, а ангелам трудно жить на земле среди людей, вот она и упорхнула на небо. Дара его обожала. Но куда же он делся? В детстве она спросила об этом отца. Тот только нахмурился, закусил губы, лицо его сделалось каменным. Может быть, этот мальчик тоже умер?

Загадочное детство не давало ей покоя до тех пор, пока она не встретила своего Сергея. Он был настолько земным, что вести с ним беседы про ангелов было смешно. Дара попыталась однажды, потом еще раз. Когда она завела этот разговор в третий раз, Сергей сказал ей:

– Дара, все это ерунда. Поговори с отцом, ты ведь давно уже взрослая. А если не можешь – выброси все это из головы. Думай о том, чтобы с нашей дочерью ничего подобного не случилось. У нас своя жизнь.

Значит, та, другая, жизнь была не ее? Чужая? Дара, подумав, согласилась, что лучше все это выбросить из головы. Тем более что дочке к тому времени нашли замечательную няню, говорящую на трех языках, и Дара принялась искать работу. Сидеть дома осточертело. К тому же ей не нужна была работа ради денег, ей нужна была такая работа, как у отца, чтобы раствориться в ней до последней капли и забыть обо всем на свете. То есть не обо всем, конечно, а хотя бы о том, что так мучило ее всю жизнь.

Она попробовала стать преподавателем. Прочитала несколько лекций и поняла, что не может больше видеть пустых глаз своих учеников. Им ничего было не нужно. И они ей были не нужны. Пусть проживут свою неинтересную жизнь, Дара не собирается ударить палец о палец, чтобы намекнуть им о существовании жизни другой. Потом ей вдруг безумно

захотелось помогать людям, она устроилась работать в больницу, но бесконечные разговоры медсестер о своей мизерной зарплате, косые взгляды в ее сторону, полное отсутствие сострадания к больным терпеть было тоже выше ее сил. Она уволилась через три месяца, и все, кажется, вздохнули с облегчением. Потом Дара организовала курсы английского языка, придирчиво набрала штат и успокоилась. То есть развила бурную деятельность по расширению и рекламе своей маленькой школы. Через три года ее школа стала приносить хорошие деньги, Дара связалась с одним из американских колледжей, туда и обратно покатались экскурсии, учителя по обмену, дети на каникулы. Жизнь вокруг кипела – только успевай поворачиваться.

Но сегодня она снова словно вернулась в свое одинокое детство, ей снова захотелось узнать, отчего умерла мама, куда подевался брат и был ли он когда-нибудь на самом деле? Дара сидела у стола с тетрадкой и чувствовала, как мурашки бегут по телу от холода. Она быстро прыгнула в постель и закуталась в одеяло. А через секунду – уснула. Оставшуюся ночь ей снилось что-то необычайно приятное, что-то без сюжета, без действующих лиц. Как будто белые крылья медленно хлопали над ее головой, ослепительно белые крылья...

2

Его огромное тело становилось невесомым, и его тянуло куда-то вверх, в пространство. Он уже готов был рвануть туда, где сиял белый ослепительный свет. Уже был взят разгон, и от скорости на виражах сладко ныло сердце. Он все мчался и мчался навстречу ослепительно полыхающему свету. Еще мгновение, и он сольется с ним, превращаясь в ничто, в такой же свет. Восторг и ужас охватывали душу, еще мгновение...

Но что-то вдруг снова напоминало о теле, что-то растекалось внутри него, и, кажется, искры летели от торможения в разные стороны. Нет! Неужели назад, в эту адскую муку? В тоску и боль?

Нет!

– Ну что?

– Кажется, пошло. Идиоты! Куда вы раньше смотрели?

– Так мы ведь думали...

– Да у вас тут думать умеет хоть кто-нибудь? Хоть один человек? Покажите мне его!

– Но мы ведь – не реанимация!

– Это точно. Вы только угробить человека можете. И вот еще что: завтра я его забираю к нам. Нечего ему у вас тут делать.

– Ну это мы еще посмотрим!

– Не насмотрелся за три дня? Человек чуть концы не отдал, пока вы на него смотрели!

Нашли белую горячку!

– Одно другому не мешает.

– И ремни эти снимите, сейчас же.

– Снимем, снимем, да не волнуйтесь вы так. Может быть, чайку?

– В гробу я чаек ваш видел!..

Голоса сливались, оглушающее эхо било в мозг. Он возвращался. Спираль раскручивалась медленно, слепящий свет там, впереди, гас постепенно, и из горла рвался нечеловеческий крик: «Не-е-е-ет!!!»

Потом – провал. Полный провал без света и образов. Он выплывал иногда оттуда, видел перед собой что-то белое, пытался сосредоточить взгляд, разобраться, что это перед ним. Но не мог. Помимо его воли в сознание влетали какие-то образы. Веяло чем-то родным и знакомым. «Может быть, это Ты пришла, родная моя? Или это я к Тебе поднялся? Да если бы Ты знала, как была горька без Тебя жизнь! Какая пустота без Тебя там, в этом мире, заполненном людьми. Но я так и не оторвался от Тебя, не смог. Все искал, все чудилось мне, что это Ты там, в толпе, за поворотом. Что сейчас обернешься, увидишь меня, взгляды наши встретятся. Ты, мертвая, была для меня самой живой. Ты, несуществующая, была самой реальной. Ты, недоступная, – самой желанной была для меня все эти годы. Пустые годы. Накрой меня белым крылом своим, дай успокоиться. Может быть, Ты действительно стала ангелом?»

– Валер, я заполнила, посмотри. Ковалев Марк Андреевич. Пятьдесят шесть лет. Место рождения – Энск. Адрес, группа крови, анализы. Диагноз какой у него?

– Шизофрения под вопросом.

– Да-а?! А я вроде слышала...

– Милочка, ты пиши, пиши.

– Так, написала. Валер, а про сахар, что там?

– Это я сам запишу. Что-то ты такой уставшей выглядишь?

– Ой, не говори. Воскресенье, смена ночная...

- Мил, а мы, знаешь, что сделаем? Мы тебя в отпуск отправим! Хочешь?
 - Издеваешься? Я девять месяцев только отработала.
 - Целых девять месяцев? Так мы с тобой скоро юбилей справлять будем!
 - Смейся, смейся. Мне муж дома такой юбилей устроит. Он и так уже что-то пронюхал.
 - Так мы его успокоим. Где там мое любимое местечко?
 - Валер, спятил? Смена кончается...
 - Ничего, а мужа мы успокоим. Отправим тебя в отпуск, поедете вы с ним по путевочке...
 - А путевочку нам дядя даст?
 - Дядя. Дядя Валера. Так что с завтрашнего дня, милочка моя, так где у нас там...
- ***

Что-то пульсировало в голове Марка. Что-то барахталось в темных глубинах той пропасти, куда он летел уже целую вечность. Смерть отступила. Но на жизнь состояние его мало походило. Он плавал между ними, страстно мечтая теперь поскорее прибиться к берегу. Но – к какому?

Он умирал уже не раз. Когда ему было двадцать пять, аппендицит перешел в перитонит, врачи сделали все что могли, вышли к перепуганным родственникам, пожали плечами: «Ну что тут можно сделать? Поздно».

Мать оплакивала его по-настоящему, готова была вырвать себе язык за то, что прокляла сына. Готова была на все ради него, но ничего уже не требовалось. Его, еще живого, перевезли в другую палату – умирать. Но тогда он только начинал жить. Тогда Ия была еще здесь, а не там. Все были здесь, и им был предназначен мир.

Он не плавал тогда в водах, которые уносили в небытие. Он отчаянно сопротивлялся, барахтался, извивался и греб назад, туда, откуда доносился крик матери, где по окаменевшему лицу Ии не текли слезы.

Но как стенка – мяч,
как падение грешника – снова в веру,
его выталкивает назад.
Его, который еще горяч!
В черт те что. Все выше. В ионосферу.
В астрономически объективный ад...

Ему даже не дали кислородную маску. Просто подвели баллоны с чистым кислородом, к лицу поднесли шланг. Через день он, уже оплаканный, прощенный, с обожженным кислородом лицом, открыл глаза и попросил пить. Через три дня встал на ноги и, придерживая расплосованный живот, на цыпочках отправился в вестибюль покурить. Медсестры замерли, когда растрепанный великан, скрючившись, продвигался мимо них, держась одной рукой за стенку, а другой за живот.

– Только не смеяться! – строго сказал он им, потому что сам готов был с минуты на минуту разразиться хохотом. Смеяться нельзя – швы разойдутся.

В этой битве со смертью победил он. Гордость его не знала границ. Старуха с косой была для него слабым противником. Он победил. Только вот – стоило ли? Через три года он потерял Ию. Еще через два – Сашку. Но кто в состоянии счесть победу поражением во время триумфа? Любая победа обретает свой истинный смысл только спустя время.

Теперь он не хватался отчаянно за жизнь, как тогда. Он больше не сопротивлялся и, возможно, именно поэтому впервые видел жизнь совсем иначе, что-то новое в ней открывалось ему. Ведь если не сопротивляться жизни, не бегать с ней наперегонки, не сражаться ежесекундно, изменяется сама ее суть. Временами он открывал глаза. Но так и не понимал, что эта белая комната, ремни, которыми пристегнуты руки к кровати, решетки на окнах –

не очередная галлюцинация. Он снова закрывал глаза и отправлялся в нескончаемое плавание по волнам своей жизни...

Он никогда не задумывался о своей судьбе. Она несла его на крыльях, поднимала все выше и выше, и это чувство полета было настолько захватывающим в каждый момент, что обернуться назад, туда, чтобы подвести итоги, чтобы вспомнить, было не интересно. Интересно было парить, подниматься все выше и выше в разреженный воздух успеха, силы, власти.

Но теперь он поднялся, наверно, слишком высоко. Он обернулся...

Если бы печатали стихи Иосифа Бродского, то он обязательно нашел бы в них предостережение. Ведь он был тем самым ястребом, который плывет в зените в ультрамарин, не в силах превозмочь восторга перед смертельным потоком. Ему оставалось в жизни немного. Только испустить тот восторженный предсмертный крик, а потом рассыпаться белыми перышками, ангельскими, может быть, перышками...

Но Бродского в ту пору не печатали, а стихи другого – его брата по духу, его двойника по кипению крови – заставляли гнать коней все ближе к обрыву, в надежде там, на самом краю, испить наконец чашу долгожданного счастья. На этом краю он стоял уже не раз, но счастье оказывалось призрачным, и снова продолжался долгий санный путь в метель, в никуда.

Если бы он задумался об этом, то, может быть, жил бы иначе. Ну хотя бы о том задумался, что счастье, искры которого он высекал из своей судьбы таким накалом внутренней страсти, есть не что иное, как безумие, влекущее человека к смерти, отзвуки самой этой смерти и ее неумолимое приближение. Но тогда это был бы не он. Кто-то другой, степенный, рассудительный, способный насытиться обычным житейским счастьем, – точь-в-точь его друг Андрей.

Они были настолько похожи, что все считали их братьями-близнецами. Но похожи они были только внешне. Там, где Марк раскрывал объятия навстречу миру, Андрей поворачивался к миру спиной, закрывая крыльями свое гнездо – жену, сына.

«Да что же ты! – думал Марк. – Что же ты осторожничаешь, чего ты все время боишься?» – «А мне ничего не нужно, у меня уже все есть!» – «Все? Неужели это все? Работенка на заводе, жена рядом на диванчике у телевизора?» – «Я счастлив». – «Да ты даже не нюхал настоящего счастья...» – «Мне так спокойнее...»

Марк злился. Дурак! Вот так всю жизнь – псу под хвост! А как летели сначала вместе бок о бок! Нет, не выдержал, застрял на низкорослой березе. Но не отступился все-таки, не разорвал отношений, как делал это всегда и со всеми. Но тогда еще жива была Ия. Тогда он еще был несказанно счастлив, тогда еще счастье не осыпалось лепестками, оставив только воспоминания.

Воспоминания всплывали в воспаленном мозгу цветными кинофильмами и были ярче самой реальности. Вот сидит на скамейке незнакомая девушка. В беленьком платье, что-то чертит на песке носком туфли. Марк только раз посмотрел на нее, проходя мимо, и все смолкло вокруг, только удары собственного сердца оглушали его. И сразу решил: «Моя!» Чья бы ни была, теперь – моя. Навсегда. Стоял и смотрел. Девушка смутилась, поднялась со скамейки, пошла прочь. Догнал. Что-то стал говорить, сам не понимал – что, только глаза ее были раскрыты широко, будто она в считанные секунды поняла, что он – судьба. Что куда бы ни ушла она теперь, куда бы ни уехала, ни скрылась, – он найдет...

Встреча оглушила обоих. Они бродили целый день где-то в другом измерении, где все было похоже на прежнюю жизнь, но одновременно и так не похоже. Он рассказывал ей о себе, о матери, о погибшем отце, о своей работе. Уже тогда, почти мальчишкой, он зарабатывал кучу денег, столько же, сколько профессора и академики. Нет, никакого образования у него не было. Был только удивительный талант все, что эти академики придумывали на бумаге, превращать своими руками в приборы, механизмы. Первые кварцевые часы – вот

что они тогда сделали. Трое семнадцатилетних мальчишек. Их целую неделю чествовали и носили на руках, а когда выплатили зарплату, он почувствовал себя королем, не меньше. И это было важно – его жена не будет знать ни в чем недостатка. Мужчина должен быть королем. Казалось, Ия не очень это понимает. Но ведь это так важно! Когда тебя не понимают, хочется повториться, чтобы поняли, чтобы наконец дошла до собеседника вся важность сказанного. Поэтому он говорил, говорил, говорил. И все равно чувствовал, что она не совсем понимает...

Но это было не главное, совсем не главное. Она была такой красивой! Он никак не мог от нее оторваться. Проводив до дома, никак не мог представить, что не будет смотреть в ее глаза до завтрашнего дня. Он нарвал ей цветов на поляне – голубых незабудок. Букетик получился маленький, и он бросился собирать еще. «Хватит, хватит!» – кричала она, смеясь. Но его уже было не остановить. Он метался по поляне и приносил ей цветы еще и еще, пока в руках у нее не оказалось огромное голубое облако. Господи, как она была хороша с этим облаком в руках!

С ясного неба упали тяжелые капли дождя. Где-то прогремел удар грома, где-то, совсем близко, дождь обрушился сплошной стеной, и бежать было некуда. Черная пропасть ее подъезда означала разлуку. Поэтому они остались под березой и промокли до нитки. Не оторваться было им друг от друга, не прекратить начатого разговора, который так и не закончился никогда. Даже когда ее не стало... Они стояли и смеялись, она – от избытка чувств, он – от лихорадившей его страсти. «Это к счастью! – говорили потом все. – Попасть под такой ливень – это всегда к счастью!»

Через две недели сыграли свадьбу: шумную, многочисленную, с криками «горько» до утра, на все его королевские деньги. «Ничего не жалею! – приказал он матери, которая все пыталась припрятать на завтрашний день большого краба, кусочек балычка, жареную щуку. – Все на стол!» И мать, поджимая губы, косилась на невесту, зачарованно глядевшую на ее сына и ни разу не взглянувшую на кухонные столы.

– Как они жить будут? Не понимаю! – говорила мать соседкам. – Она ведь за все это время на кухню ни разу не заглянула. Ну и хозяйюшка!

Но сын выбирал не хозяйюшку, ему нужна была королева. С хозяйством и мать неплохо справлялась.

– Самостоятельные очень пошли. Молоко на губах не обсохло, а уже женится, не спросясь у матери, – говорила одна соседка, заглядывая матери в глаза.

– Марк – он хозяин, характер у него такой, он ни у кого спрашивать не будет, – говорила вторая.

– Хозяин? Где это он хозяин? В этом доме одна хозяйка – я! – Мать топнула ногой и обвела взглядом огромный дом с высокими потолками.

Через три дня после свадьбы молодые сняли небольшой домик на другом конце города. Марк был в мать – никогда не уступит, никогда ничего не стерпит. Подумаешь, чего он лишается? Бабкиного серебра, картин на стенах? А мать он переломит. Со временем, не сразу, но обязательно переломит. Вот родятся наследники...

Первым родился сын. Ия показала ему голенького человечка из окна роддома. Крохотное личико, сомкнутые реснички. Марк так закричал от радости, что ребенок проснулся и всхлипнул, чмокая губами. Ия погрозила мужу пальцем и отошла от окна кормить малыша. А Марк повалился на скамейку, раскинул руки, голову закинул назад, чтобы лучше прочувствовать этот взлет в заоблачные выси, куда никогда не заносит никого из простых смертных...

Имя он придумал заранее. Не сомневался, что первым родится сын. У него может родиться первым только сын, тут двух мнений быть не могло. Он назовет его Александром. Великое имя. Пусть затащенное в России тысячей неудачников, но все равно – смысл в нем

заложен огромный. Пусть будет как Македонский, как Пушкин. Он не видел между ними разницы, они были просто великими людьми, самыми великими на свете. Они и еще его сын! Сашка.

Когда случалось Ие посмотреть на кого-нибудь из его друзей, или нет, даже не на друзей, а на какого-нибудь встречного незнакомого мужчину, он замечал, что у него дрожат руки. Он изо всех сил старался сдержать что-то страшное, накатывающее изнутри, но руки предательски дрожали. Она не замечала этого. Но инстинктивно, наверно, никогда не задерживала взгляда на чужих лицах. Он понимал, что ее взгляд безразличен, это не страшно, но жаркая волна захлестывала рассудок, оставляя красный сигнал: будь осторожен, держись, там, за этой волной, – страшное ничто. И он держался. Держался, как моряк в жестокий шторм: из последних сил, на последнем дыхании. Только вот руки предательски дрожали...

Дрожь охватывала все тело, выламывая суставы. Как тогда. Совсем как тогда. Но тогда они дрожали с похмелья. Нужно же было так расслабиться! Он тогда очнулся от забытья и никак не мог понять: где он? Чей это дом? Генкин? Если Генкин, то почему он не узнает его? Он выбрался из-под одеяла, посмотрел внимательно на себя в зеркало, висящее напротив. Отвернулся. Это было ему знакомо. Лицо помятое, одутловатое. Сейчас бы микстурки в рюмашке. Только чей же это все-таки дом? Он на мгновение замер. Из кухни разливался аромат кофе, и... слышалось тихое пение. Голос был молодой, женский...

3

Ольга возвращалась с работы, помахивая тонкой веточкой черемухи. По лицу ее скользила легкая улыбка. Но в этой улыбке чего-то не хватало. То ли краешки губ предательски вздрагивали время от времени, то ли брови порой сходились на переносице. Выражение лица плавало, превращая ее то в добрую фею, то в злую волшебницу. Сегодня ей было отчего сходить с ума. Но только – дома, там, где никто ее не увидит. Она старалась оттянуть момент своего возвращения, неторопливо шагая по парковой дорожке...

Ольга родилась повелительницей. Даже маленькой девочкой она никогда не была неуклюжей, нескладной, слишком шумной, быстроногой. Манеры, движения, грация, ум – все это было дано ей с пеленок. Но кто-то что-то, видно, напутал там, в небесах, когда вычерчивал линию ее судьбы...

Замуж она выскочила рано, в семнадцать лет, едва закончив школу, не раздумывая. Родители повздыхали немного, но и только. Партия была блестящей, по их разумению, ведь Оленька вышла замуж не за первого встречного, а за Лешеньку, сына известного академика Николая Сумарокова, о котором так часто в ту пору писали в газетах. Он был старше ее на шесть лет, но вел себя совсем как ребенок: водил ее в парк, на качели, смешил, покупал мороженое. О любви Ольга думала мало. Прислушиваясь к болтовне сверстниц, она давно поняла, что ее не трогают их страсти. Ни один мальчик не сумел затронуть не только ее сердца за семнадцать лет, но даже воображения, а вот с Алексеем ее воображение разгулялось не на шутку. Но не страстные поцелуи рисовало ей оно, не жаркие объятия. Имя Сумарокова было ключиком к обширным королевским владениям, и Ольге не терпелось переступить их порог полновластной хозяйкой.

Сразу после свадьбы молодожены переехали в однокомнатную квартиру Алексея. Что-то смутило здесь будущую королеву, как только она переступила порог. Не таким она представляла дом будущего мужа. Здесь было неуютно, то ли от выцветших обоев, то ли от странного, вьёвшегося в стены запаха, то ли от десятка пустых водочных бутылок, громоздившихся на кухне под пожелтевшей раковиной. Желену Алексей внес в квартиру на руках, и потом долгие годы, втаскивая мужа домой, Ольга вспоминала об этом, проклиная все на свете.

Уже через три месяца их совместной жизни Ольга до тонкостей разбиралась в различных этапах алкогольного опьянения и даже могла сказать «на глазок», сколько принял сегодня ее муженек. Раньше ей казалось, что алкоголизм – удел грузчиков в магазине, немолдых, помятых жизнью, пьющих от полной безысходности и собственной тупости. Теперь перед ней был мальчик из хорошей семьи, которого воспитывали две бабушки, мать, частные учителя, специальные школы. Но знание двух языков никак не сказывалось на нем, когда он приползал домой и засыпал прямо в коридоре. Ольга с отвращением смотрела на мужа и с ужасом думала о том, что от этого человека ждет ребенка...

Она была слишком молодой, чтобы решиться прервать беременность, а посоветоваться было не с кем. Родителям она о своей жизни не рассказывала, считая все это настолько постыдным, настолько не достойным ее... Отца Алексея она видела только на свадьбе. Он мало интересовался старшим сыном. Он все про него давно знал, поэтому вкладывал душу в младшего. Душу и деньги. Мать, маленькая тихая женщина, навещала их раз в два месяца. Привозила продукты, оставляла несколько крупных купюр. Но деньги отдавала Алексею, всегда ему, а не Ольге, поэтому денег этих Ольга никогда не видела. Зато и мужа после этого не видела дня три.

Когда родилась дочь, Ольга заплакала. Маленькое существо было как две капли воды похоже на отца. Ольга все присматривалась к ней в первые годы, пытаясь отыскать хоть

что-нибудь свое. Может быть, форма уха, пальчики на ногах, родинка. Нет, это была не ее дочка. Его.

Родители ее к тому времени продали квартиру в Автово и перебрались в Псковскую область. Потянуло к земле, к хозяйству. Внушеньке, нужен чистый воздух хотя бы летом. И Ольга отвозила к ним Соню на пять месяцев, с мая по октябрь, а сама возвращалась домой. Алексея нельзя было оставлять одного. Ольга не боялась, что он вынесет из дома всю мебель, мебели к тому времени уже почти не осталось. Она боялась, что однажды просто-напросто не попадет домой. Жилплощадь в Ленинграде нельзя было терять. К тому же теперь, когда дочери исполнилось два и смело можно было отправлять ее в садик, Ольга собиралась поступать в медицинское училище.

Учиться нужно было обязательно. Работа – это прежде всего деньги, независимость, возможность поесть тогда, когда хочется. Она так устала за годы замужества: грудной ребенок, пустые полки кухонных шкафов, не работающий холодильник. Чтобы как-то выжить, раздобыть денег, Ольга устроилась мыть полы в подъезде. Это было делом несложным, куда сложнее было собирать потом плату с жильцов. Каждый протягивал ей деньги и заглядывал в глаза: с удивлением, с презрением, с жалостью. Но чаще всего – с безразличным отворачиванием. Как-то на шестом этаже ей открыл дверь четырнадцатилетний мальчик. Он протянул ей трешку и поднял глаза. Ольгу словно ударили: она изо всех сил сжала его руку чуть выше запястья. Он смотрел на нее точно так же, как и взрослые, только не умел еще скрыть своего отвращения. Через секунду она опомнилась, отпустила руку, извинилась и, не взяв денег, побежала вниз по лестнице. Мальчик не виноват. Значит, она действительно делает что-то такое, от чего всех воротит, живет так, как никто другой жить не стал бы. Но что же ей делать? Ехать к родителям? Похоронить себя на их огороде в двадцать соток? Прислушиваться к их бесконечным советам и наставлениям? Ни за что! Да и прописана она теперь здесь. Кто же ей мешает? Этот глупый мужик с остекленевшими от водки глазами? Этот мешок с костями, в котором не осталось ничего человеческого.

Леха пил все, что попадалось под руку. Давно, когда она еще следила за собой и покупала всякие женские притирания, он крал у нее все, что имело хоть какой-нибудь градус: тоники, духи, туалетную воду. Когда совсем ни у кого из его дружков не было денег, в квартиру вваливалась гвардия с взлохмаченной старухой во главе. Компания направлялась на кухню: доставали большую кастрюлю, бросали туда что-то непотребное, варили, выпаривали, а потом пили, грызли, нюхали.

Они грызли, в кухне повисал визжащий мат, а Ольга брала детскую коляску и шла мыть полы в подъезде. Качала сначала колясочку у окошка, а когда девочка засыпала, терла ступеньки. Если слышала шаги, замирала. Не хотелось попасться кому-нибудь на глаза. Однажды, сидя на ступеньках и бессмысленно водя тряпкой по полу, Ольга услышала голоса.

– Анна Николаевна, здравствуйте. Неужто с работы так поздно? Начальство обычно не задерживается...

– Ах, Вика, не смейся. ЧП у нас в лаборатории. Человек умер.

– Господи святы. А что случилось?

– Да трое наших подсобных рабочих решили Первое мая отпраздновать...

– Так сегодня же только двадцать пятое...

– Вот они и начали заранее. Денег нет, а выпить хочется. Спирт у нас только под расписку. Под пломбами стоит. А вот метиловый без пломбы. Ну сели, выпили. И что ты думаешь? Двоим хоть бы хны, а третий как сидел, так и умер, со стаканом в руке. Уже сделали вскрытие, говорят, отравление...

Перед глазами у Ольги все поплыло. Пальцы впились в половую тряпку, а в голове стучало: «выход, выход, выход». Она прогнала эту мысль. Быстро домыла полы и вернулась в квартиру. Но вернулась уже совсем другим человеком.

– Все вон отсюда! – четко произнесла она, войдя на кухню.

Алексей к тому времени давно храпел в луже на столе. Остальные посмотрели мимо нее.

– Вон. Сейчас милицию вызову.

– Пошли? – переглянулись мужички.

И потихоньку разошлись. Ольга не подгоняла, не кричала, а только стояла у порога, скрестив руки. Что-то было в ее голосе такое, отчего никому из них не пришло в голову возразить ей, устроить скандал.

Все ушли, а она еще долго стояла так и смотрела на мужа. А на лице плавала улыбка – то зловещая, то радостная...

Через три года она решилась. Соне скоро исполнится шесть, сама Ольга заканчивала училище. Пора было начинать новую жизнь. Метиловый спирт она раздобыла в Псковской области, у отца. Перелила дома в полупустую бутылку, смешала с водкой. Кто будет разбирать, что там мешают себе эти алкаши? И принялась ждать. Сердце выбивало радостную дробь, мир замер, вот сейчас прогремят колокола ее освобождения. Вот сейчас...

Но ничего не произошло. Леха вылакал всю бутылку до дна и завалился спать. Всю ночь она прислушивалась к его дыханию. К утру с ней случилась истерика, она кричала, выла, металась по комнате. Но на следующий день взяла себя в руки, отправилась в библиотеку училища и внимательно принялась изучать учебник химии, лекарственные справочники, пособия по фитотерапии.

Через полгода она получила диплом и распределение в детскую больницу. Соня давно была у родителей: последнее лето перед школой. Ольге не хотелось домой. Она пошла в кино с однокурсницами. На что-нибудь более respectable у них не было денег. Те девчонки, у которых были деньги, отправились в ресторан с двумя молодыми преподавателями. А остальных пригласила к себе улыбчивая Тоня, она жила рядом с кинотеатром, обещала всех сфотографировать. Долго пили чай, болтали ни о чем. Ольга ушла последней.

Дверь в квартиру была приоткрыта. Она взялась за ручку, и в тот же момент на лестничной клетке показалась соседка. Ольга поздоровалась и быстро вошла, чтобы не вступать в разговор, но взгляд, которым ее проводила женщина, показался ей необычным. Дома никого не было, пол был грязным, словно целое стадо... Кто-то робко стукнул в дверь. Ольга открыла. На пороге стояла все та же соседка.

– Вот, – сказала она, протягивая ей листок с номером телефона. – Здесь милиция была. Просили связаться с ними. Можете от нас позвонить.

– Завтра, – устало сказала Ольга. – На пятнадцать суток, что ли, забрали? Так пусть посидит.

– Нет. – Взгляд соседки не давал Ольге покоя, такой странный.

– Да что случилось-то?

– Я толком ничего не знаю, только Лешка-то того...

– Что?

– Умер он.

Ольга нащупала за спиной стул и тяжело опустилась на него.

– Как умер?

– Не знаю. Дверь открыта была. Зашел дружок его. А потом закричал, стал в двери барабанить. И барабанил так минут десять. Я испугалась, муж-то на работе, ну и вызвала милицию. А оказалось...

– Так что там было?

– Он на диване сидел в комнате. Рядом стакан недопитый. Голову так свесил, словно спит. Только мертвый уже. Потом еще милиционер пришел, показания со всех собрали. Вы уж извините, все сказала как есть: пил как полоумный.

– Спасибо.

– Что вы говорите?

– Спасибо вам...

Ольга позвонила от соседки, вернулась домой. В шкафу на самом видном месте стоял справочник по лекарственным средствам. Ольга осторожно взяла его двумя пальцами, вышла на лестничную клетку и спустила в мусоропровод. Больше он ей не понадобится. Никогда.

Шесть лет этого ада она вычеркнула из своей жизни. Работала в две смены, а по выходным бегала делать процедуры, массажи за отдельную плату. Через пять лет Ольга накопила денег и обменяла квартиру на равноценную в противоположном конце города. Все. Вычеркнуто из жизни, из памяти.

На новом месте все считали их с Соней сестрами. Младшей – двенадцать, старшей – вряд ли больше двадцати трех. Ольга не выводила соседей из заблуждения. Ей так было удобно. К тому же Соня на людях с детства звала ее по имени: Олечка.

Эх, Сонька, Сонька! Вылитый отец. И что только Ольга для нее не делала. Сначала зарабатывала деньги как заведенная, чтобы у дочери было все, что пожелает. А когда Сонька вернулась с новогодней дискотеки в девятом классе и радостно выдохнула, что было «потрясно», Ольга почувствовала такой знакомый запах... Дочь трижды почистила зубы перед тем, как прийти домой, но обмануть мать было невозможно. Ее папочка тоже так делал в первую неделю после свадьбы. Ольга знала, что это только начало. Только начало...

Она стала таскать дочку в бассейн, записала в художественную школу, наняла репетитора по английскому. Чтобы не оставалось свободного времени. Чтобы ни одной мысли в голове не было о... Но природа брала свое. И хорошо бы еще Сонька тихо попивала, как отец. Так нет же, ей всегда нужно было развить при этом кипучую деятельность. Вот и теперь. Дуре двадцать три года, а она снова вляпалась с очередным своим хахалем-собутыльником в какую-то аферу. Набрали товар, поехали в Москву. Там их обвели вокруг пальца, товар забрали, денег не дали. Хахаль смылся куда-то, а тот, чьи деньги они потратили, дал Соньке срок неделю. Как она сказала? На счетчик поставили?

Ольга шла по парку с плавающей улыбкой на губах и помахивала веточкой черемухи. Пять тысяч долларов можно было достать, только продав квартиру, а значит, придется перебираться в Псковскую область к родителям. Чудненько. Об этом она подумает дома, когда останется одна. Чудненько. Господи! И почему же этих дурацких денег никогда нет, когда они так нужны!

У соседней дорожки, под деревом, лежал мужчина. Ольга замедлила шаг, присмотрелась. Дорогой костюм, кожаный плащ распахнут, каблуки на туфлях не стертые. Может быть, сердечный приступ? Она как медицинский работник должна... Да не до этого ей теперь! Но ведь это не забулдыга какой-нибудь, человек явно солидный, нужно помочь. Она свернула на соседнюю дорожку. «А может, и он мне чем поможет», – мелькнула мысль.

Она подошла, наклонилась, положила два пальца на шейную артерию. И в этот момент почувствовала запах перегара. Поморщившись, она хотела отдернуть было руку, но, взглянув на лицо мужчины, что-то вдруг начала припоминать. Она его где-то видела. Ну конечно, несколько дней назад Нина Петровна лихорадочно кивала в его сторону. Один из самых богатых людей в городе. И Ольга тогда запомнила: синие глаза, машина, похожая на замысловатый космический корабль, абсолютная уверенность в себе. Может быть, это шанс? Рискнуть? Выбора нет. На карте стоит все – жизнь дочери, псковские прелести... У нее получится! Спокойно. Только не нужно торопиться...

– Что с ним? – старушка с болонкой с любопытством заглядывала ей через плечо.

– Все в порядке, – как можно спокойнее сказала ей Ольга. – Я врач. Сейчас все будет в полном порядке.

Она шагнула к дороге, достала из кармана последние пятьдесят рублей и помахала перед машиной. Скрипнули тормоза.

– Помогите, пожалуйста. Мой муж... – и указала пальчиком в сторону тела.

Водитель хмыкнул, забрал купюру:

– Поможем, что я, не человек, что ли? С каждым может случиться...

4

Он стоял на дороге с поднятой рукой, и когда счастье уже, казалось, улыбнулось ему, на дорогу неожиданно выбежала женщина. Машина, сворачивающая к нему, резко затормозила и остановилась около нее. Здорово! Не судьба ему добраться сегодня до Зойки. Водитель вышел из машины, широко улыбаясь, шагнул в глубь парка, размытого дождями, отодрал от земли безжизненное тело, не удержался и чуть было не повалился с ним вместе на землю. Женщина подбежала – подхватила мужчину, безжизненно свесившего голову на грудь, и они вместе поволокли его в машину.

Господи, не приведи дожить до такого. Он так увлекся просмотром парковой сцены, что не сразу вспомнил, куда и зачем ему надо, когда к обочине подрулил зеленый «жигуленок».

– До набережной подбросите? – спросил он старичка, сидевшего за рулем.

– Садись.

Первые весенние сумерки чуть позже разольются в самые настоящие белые ночи, но когда это еще случится. Вряд ли пешеходы, которых он так внимательно разглядывал из машины, помнят об этом. Они спешат домой, покупают по дороге хлеб в ларьках или пиво, и им нет никакого дела до наступления белых ночей, будь они хоть трижды белыми.

Зоя встретила его с легким укором:

– Вечно ты опаздываешь. Все уже собрались.

Он скорчил гримасу. Сестренка была умницей – понимала его с полуслова. Да и, собственно, не сестренка она ему, а так – несостоявшаяся невеста, безнадежная подружка, которая все длит и длит их отношения, переводя на любые рельсы – деловые, учебные, – только бы не разойтись совсем.

– Она еще не пришла, но скоро будет...

Он помедлил на крыльце, достал сигарету. Идти в дом, где собрались денежные тетеньки, повернутые на изучении английского языка, ему не хотелось. Он облокотился о перила, закурил, рассматривая сумеречную набережную с тусклыми желтыми огнями.

– Я сейчас...

Зоя убежала к своим дамам разжигать вечеринку, разносить бутерброды. Собственно, эта вечеринка была частью ее работы. Она пристроилась к небольшой частной фирме по обучению языку. Недавно фирма благодаря усилиям хозяйки – Зойки считала, ее усилиям тоже – выиграла какой-то там грант, победила в городском конкурсе, и в результате рекой полился денежный поток с Запада. Решено было курсы расширить, то есть ввести обязательный выезд за рубеж, в англоговорящую Англию, на стажировку, чтобы там, среди самой настоящей и правильной разговорной речи, осваивать, совершенствовать...

Но хозяйка, как ее, Дарья Марковна, не собиралась сама проводить время в такой жуткой компании, а бабульки-преподавательницы, может быть, рвались туда когда-то, но теперь ссылались на возраст, на перепады давления в авиалайнере, на смену климата. Тогда хозяйка созвала свою свиту, так называемых помощниц, в числе которых Зойка имела честь состоять, и объявила, что желает видеть во главе группы, выезжающей за рубеж, симпатичного молодого человека, от одного вида которого все слушательницы бабахнутся в обморок и забьются в легких конвульсиях. Причем молодой человек должен быть беден, а значит, неразборчив, и должен быть готов периодически посещать Лондон не в самой приятной компании, но за чужой счет.

Разумеется, всего этого Зойка не должна была говорить Кириллу, но, учитывая еще не остывшие воспоминания об их совсем недавней, по ее представлениям, близости или

желая эту близость восстановить, пересказала ему разговор с Дарьей Марковной от начала и до конца.

Кириллу ничего не хотелось принимать от Зойки в виде подарков. Если честно, то ему совсем не хотелось встречаться с ней больше ни под каким видом. Он просто боялся, что не сумеет долгое время оставаться обаятельным. А если он перестанет быть обаятельным, а его будут к этому принуждать, то обаяние перейдет в полную свою противоположность, и он, возможно, начнет плевать на пол. А этого ему бы не хотелось. Очень не хотелось бы.

Однако он, во-первых, питал к Англии страшную слабость, а во-вторых, уродился именно таким молодым человеком, которого хотела видеть хозяйка в качестве руководителя лондонской группы. Обаяние его не оставляло равнодушным даже восьмидесятилетнюю соседку тетю Нюру, которая пудрила нос каждый раз, когда он приносил ей плату за квартиру. По всем другим статьям он тоже как нельзя лучше подходил под описание желаемого: ветер гудел у него в карманах с тех самых пор, как он покинул родительское гнездо, а мечта о Лондоне таилась в глубине сердца, кажется, все его двадцать пять лет.

Докурив сигарету, он приоткрыл дверь в Зойкину квартиру. Воспоминания о своих визитах сюда, о так и не разгоревшейся страсти, о заунывных Зойкиных рассказах о пустой своей жизни, которые нагоняли тоску. В комнате толпились молодящиеся дамы, все как одна затянутые в дорогие резиновые джинсы, а рядом с видом завязанных обольстителей выстроились претенденты на вакантное место. Это было что-то вроде конкурса или смотрин: предполагалось, что приедет хозяйка фирмы и, как жеребца, отберет из них «лондонского мальчика», руководствуясь жеманными дамскими улыбочками, которые успеет подсчитать.

Пока Кирилл все это только знал, пока не видел, как это выглядит вживую, он еще как-то мирился с мыслью, что ему предстоит сыграть роль арабского скакуна на турецком базаре. Но теперь, глядя на отутюженных своих конкурентов, плотоядно косящихся на стареющих матрон, он почувствовал легкую тошноту.

Он вышел на крыльцо, вынул сигарету, снова сунул ее в пачку и начал медленно спускаться по ступенькам.

– Подожди, куда ты? – вскрикнула за плечом запыхавшаяся Зойка. – Она сейчас придет.

– Мне очень жаль, – грустным голосом потерпевшего поражение обольстителя начал он. – Но ты знаешь, я пойду, пожалуй. У меня аллергия на французскую парфюмерию.

– Ну подожди, я прошу тебя, не делай глупостей, – Зойка вцепилась в его рукав.

– Нет, Зой, не могу, правда, – он явственно почувствовал, как вежливость покинула его, и, широко улыбнувшись, скомандовал себе уверенно: «Пли!», – ты уж...

Все это время, чтобы не видеть крушения последних Зойкиных надежд, он водил глазами по пустой набережной. Несколько секунд в его поле зрения находилась красная машина. Из нее вышла женщина и осторожно, мелкими шагами, шла по заледеневшему тротуару, не поднимая головы, к лестнице...

Зойка сделала рывок и оказалась перед Кириллом на ступеньках.

– Здравствуйте, Дарья Марковна, – подобострастно прощепетала она.

Женщина подняла голову.

И из всего, что он только что видел и слышал, нет, от всего, что он видел, слышал и знал с момента рождения, осталось только ее лицо. Так стрела или пуля попадает в десятку, а ты все еще стоишь и смотришь, не веря, что это произошло с тобой, потому что всегда был отвратительным стрелком. Это было единственное лицо в мире, на которое можно было смотреть всю жизнь, не отрываясь. Мир онемел, звуки улицы утонули во внутреннем урагане кровотока, мчавшегося теперь со скоростью, вдвое превышающей обычную. Они смотрели друг на друга и не могли оторваться. И он тихо начал сходить с ума, поняв неожиданно, что и она вглядывается в его лицо, постепенно, приближаясь...

– Это Кирилл, – представила Зойка, оборвав очарование момента.

– Здравствуйте, Кирилл, – произнесла Дарья Марковна.

Тяжелое слишком имя, как львиная лапа давящее, как же тебя зовут близкие, как я буду называть тебя? Дашенька? Нет, в этом слове что-то от передника, от кухни... Даша... А может быть...

Она обернулась и пошла по лестнице вслед за Зойкой, а он, словно зомби, стал подниматься за ней – шаг в шаг. Когда в передней она снимала пальто, он подхватил его сзади, она оглянулась, и лицо ее оказалось неожиданно близко.

– Вы разве не собирались уходить? – спросила она.

– Нет, я только что пришел, – сказал он.

– Хорошо.

Она прошла в комнату, где все загудело с ее появлением, бросились с приветствиями, зажужжали вопросами.

А он еще постоял некоторое время в прихожей, прижимая к себе ее пальто, вдыхая ее запах, заполняя им себя целиком, без остатка.

Вечеринка с появлением хозяйки резко изменилась, потому что Дарья Марковна предложила говорить только по-английски. С бриллиантовых дам тут же слетело высокомерие, и они принялись хмурить узкие лобики в поисках того или иного подходящего слова, чтобы сказать хоть что-нибудь, а не молчать.

Хозяйка переходила от одной дамы к другой, а он замер в углу комнаты, боясь шелохнуться, чтобы не спугнуть наваждение: таких женщин не бывает. Они приходят только в мечтах, где черты их лица обычно размыты, неопределенны. У них никогда не бывает таких четких очертаний тела. Но здесь была мечта, выплывшая наконец из тумана. Она обрела ясные контуры, и от этого чуточку пощипывало глаза. Как от яркого света... Он пил уже третий бокал шампанского, автоматически подливая себе из бутылки, которую кто-то так непредусмотрительно позабыл на телефонном столике. Вот она плывет из одного угла комнаты в другой. Вот она...

У него не было сомнений, что они теперь не скоро расстанутся. В Лондон поедет он, именно он. Он был для нее тем же, что и она для него. Она его тоже узнала. Его лицо провалилось к ней из того же тумана. Неожиданно для себя Кирилл засмеялся.

Почему он так уверен в этом? Непонятно. Но он уверен, уверен абсолютно.

Вечеринка достигла своего вялого апогея, кто-то поставил «Битлз», и дамочки неловко и невпопад стали подпевать, страшно коверкая английские слова. Один из молодых людей пригласил единственную молоденькую девушку танцевать и выплясывал с ней что-то типа устаревшего рок-н-ролла. Кирилл стоял и счастливо улыбался, когда сзади его окликнули.

Она оказалась в пальто за его спиной, смотрела на него удивленно. Он спохватился, поставил бокал и вышел за ней, успев заметить, как Зойка, глядя им вслед из глубины комнаты, закусила губу. У подъезда она достала ключи, бросила ему, обошла машину. Он открыл неуверенно дверь и, уже сев за руль, объявил:

– Я, кажется, пил шампанское, Да...

– Дара, – сказала она.

Ну конечно же, Дара. Как он раньше не догадался?

– И что?

– И у меня нет прав.

– Пустяки.

Они поехали по замершим улицам, блестящим в мареве искусственного электрического света. Он колебался только мгновение, пока выруливал на дорогу, а потом уверенно повел машину в сторону своего дома...

Лет с пятнадцати Дара безумно любила зеркало. Разглядывая свое отражение, она могла битый час сидеть, всматриваясь в свои глаза, рассматривая губы, щеки, подбородок. Если в комнате находилось зеркало, Дара непроизвольно подчинялась его магическим чарам. Сиделась или вставала так, чтобы хоть искоса, краем глаза, видеть свое расчудесное отражение. «Ма» посмеивалась над ней: «Ну, началась канитель с собой, ненаглядной!» Дара сердилась на нее, сердилась на себя, но никак не могла оторваться от волшебного стекла. На свете не было для нее ничего более близкого, прекрасного и родного, чем ее собственное лицо. Как можно было не любить его? Зеркало притягивало ее как магнит, втягивало в зазеркалье, разыгрывало маленькие спектакли в воображении...

Сегодня, когда Дара поднялась озабоченно по ступенькам и подняла голову, произошел взрыв. Она увидела перед собой не что иное, как собственное зеркальное отражение, то самое, которое всегда жило по ту сторону волшебного стекла. Но оно жило самостоятельно, не копируя ее движений. Глаза, ее любимые глаза, смотрели на нее точно так же удивленно, как и она вглядывалась в них. Иллюзия была полной. Рука Дары дернулась было, чтобы сбросить галлюцинацию, ощутить стекло, успокоиться. Но в этот момент появилась ее помощница, и брызги внутреннего взрыва плавно осели внутри, породив удивительное чувство умиротворенности. Она взяла себя в руки и поспешила убежать, спрятаться. Но, сняв пальто, обернулась и глубоко нырнула снова в глубь зеркала: те же глаза. Отражение следовало за ней, как и положено зеркальному отражению.

Обходя женщин, возбужденных собственной болтовней, шампанским и присутствием мальчиков, она чуть не расхохоталась, вспоминая вчерашнее горячее обращение к помощницам: «Отыщите мне молодого человека, от одного вида которого наши слушательницы грохнутся в обморок». Вот они и нашли...

Может быть, то, что случилось с ней, и был обморок. Ну не настоящий, так астральный. Сама же просила – пожалуйста, получи. Но кто играет такие шутки с человеком? Тот, что на небе, или второй, более земной, с копытцами? Неужели теперь это важно? Нет, Дара уж постарается не потерять больше своего отражения, кто бы его ни послал: тот или другой. По крайней мере сейчас. От таких подарков не отказываются...

Он остановил машину, припарковав ее у подъезда. Они молча вышли и поднялись на второй этаж. Вошли. Сели за стол на кухне. Дара бросила на стол папку с документами, чтобы ее не втянуло совсем туда, в зазеркалье. Папка была барьером, реальностью. Но отрывая от молодого человека глаз Дара уже не собиралась, как не могла никогда оставить в покое свое отражение...

Все деловые проблемы были решены быстро. План лондонских мероприятий, линия поведения со слушательницами, трехдневный срок оформления документов, обмен адресами, телефонами. Дара перелистывала его паспорт, как увлекательную книгу. Говорить больше было не о чем. Он предложил чаю, она попросила кофе и сама же достала из сумочки коробку. «Всегда при мне». По кухне разлился аромат кофе с ирландским виски. Убойный запах напитка произвел на него не лучшее впечатление, он любил потреблять продукты исключительно в чистом виде, без всяких примесей. Дара отправилась обследовать квартиру и дольше всего задержалась в ванной. «В поисках губной помады...» – подумалось ему почему-то. Подсчет зубных щеток – а их было штук шесть в стаканчике – ничего ровным счетом ей не дал. Три полотенца тоже ни о чем не сказали. Ванна упорно не хотела выдавать тайн своего хозяина.

Обстановка комнаты тоже оказалась довольно скрытной. Чисто, да, но явно порядок наведен не заботливой женской рукой. А вот цветок на окне – это уже, похоже, улика. Дара подошла ближе: да его сто лет не поливали! Может быть, некому? Она должна была точно знать, что не попала впросак, что в ответственный момент какая-нибудь молодая особа не откроет дверь своим ключом, не закатит истерику. Дара усмехнулась. Деловая женщина

одерживала победу над женщиной безрассудной. Тапочки в прихожей толпились гурьбой: серые, синие, зеленые, и все одного фасона. Ну что ты будешь делать! Не заглядывать же в шкаф, в поисках женских чулок...

– Готово! – крикнул из кухни Кирилл, и она, облегченно вздохнув, оставила свои безрезультатные поиски.

Они снова оказались друг против друга за столом, а пар, поднимающийся от кофе, был похож на дым пожарищ... Пожары, землетрясения, атомный взрыв. И они только вдвоем на земле. И никаких тебе обязательств, никаких формальностей, никакого завтрашнего дня. Нужно было о чем-то говорить, как-то потянуть еще время этого обоюдного обморока, который может перейти в обморок еще более глубокий, лишаящий рассудка и, что самое главное, – памяти. Памяти о муже, о пятилетней дочке.

Дара открыла было рот, чтобы что-то спросить, но тут в дверь позвонили.

– Я сейчас! – сказал он, улыбнувшись.

Он не только улыбнулся, он оторвался от нее наконец. Оторвался так, словно там, за дверью, было что-то более интересное.

В душе у Дары началась суматоха, она мучительно прислушивалась к своим ощущениям, ни на минуту не сомневаясь, что выбор – за ней. И это поразило ее больше всего. Выбор оказался не за ней. Его сделал кто-то другой. Или все заранее было predetermined судьбой?

На пороге кухни стоял Кирилл, обнимая за плечи хрупкую девочку с большими прозрачно-голубыми глазами.

– Это Майя, – представил он ее чуть ли не с гордостью, – а это Дарья Марковна, помнишь, я тебе говорил вчера о ней?

– Здравствуйте. – Девочка смотрела ей в глаза без всякого беспокойства.

– Здравствуйте. – Даре стало не по себе.

Совсем девочка. Сколько же ей лет? И почему она так спокойно смотрит на Дару? Большинство женщин, увидев ее в первый раз, мечтали только об одном – чтобы ее вовсе на свете не существовало. Дара привыкла к этим взглядам, ей это даже нравилось. Но девочка смотрит на нее так...

– Май, я еду в Лондон! – по-детски гордо сообщил ей Кирилл.

– Да ты что? – взвизгнула она и обхватила его за шею.

Дара встала все-таки несколько порывисто.

– Не уходите! – взмолилась девушка. – Мы сейчас это как-нибудь отметим.

Только этого не хватало!

– Мы с Кириллом уже решили все вопросы. Завтра он заедет за документами, а через две недели вернется к вам полный впечатлений, с лондонскими фиалками. – Дара взяла себя в руки.

– Ой, как жалко, – протянула девушка и посмотрела на Кирилла.

В коридоре Дара все-таки покосилась на себя в зеркало – не случилось ли с ней чего? Она увидела там не только себя...

– Майка, не приставай, – сказал Кирилл девочке ласково, как любимой собаке, грызущей тапочек хозяина. – Если бы Дарья Марковна со всеми своими сотрудниками что-нибудь отмечала...

Он подал Даре пальто.

– Завтра в пять. – Дара посмотрела на Кирилла.

Ей показалось, что взгляд у него чуточку виноватый. И еще ей показалось, что виноватым он себя чувствует перед этой девочкой. И еще – что искренне раскаивается. Наваждение прошло. Точка.

– До свидания.

Счастливо.

В подъезде было темно, и Дара спускалась по ступенькам на ощупь. Перед глазами все еще стояло зеркало, в котором было сразу два ее отражения и молодая, такая молодая, девушка Майя. Так ничего и не понявшая девушка Майя... Господи! Он ведь на тринадцать лет моложе. Но этого Дара не почувствовала. А вот то, что Майя лет на тринадцать моложе нее, она почувствовала сразу и остро. Майя не воспринимает ее как женщину. Она для нее – старая тетка. Выжившая из ума старая тетка...

Как только дверь закрылась, Майка прыгнула Кириллу на шею, он ловко поймал ее, и их губы слились в поцелуе. Через минуту Майка стала трепыхаться и вырываться:

– Слушай! Да подожди ты! У нас же в подъезде лампочку сегодня снова выкрутили. Твоя Дарья Марковна там ноги переломает. Дай-ка я хоть дверь нашу открою, чтобы ей светлее было.

Кирилл вздохнул и поплелся на кухню, а Майка бросилась к двери. Раскрыла ее, хотела было крикнуть, предупредить, но замерла на пороге: снизу до нее долетел женский смех. Потом хлопнула дверь, и все смолкло.

Майя постояла на пороге еще немного. Смех плавал между перилами по пролетам, потом попытался проникнуть в ее сердце. Тогда она осторожно закрыла дверь и пошла к Кириллу. Вид у нес был немного растерянный, немного задумчивый.

– Ты ей понравился, – сказала Майя.

Кирилл театрально закатил глаза:

– Еще бы! Кому я, скажи, только не нравился?

– А она тебе тоже понравилась, – догадалась Майка, всматриваясь в его лицо.

Они помолчали.

– Понравилась. Знаешь, я как будто ее уже где-то видел. Может быть, не во сне даже, а в какой-то предыдущей жизни. И я знаю, что нас с ней связывает что-то. Только вот не могу понять – что. Это как наваждение.

Майка загрустила.

– Но это совсем не то и не так, как ты только что подумала, – сказал он, беря ее за руки, целуя каждый пальчик, ладошки, подтягивая нежно к себе...

5

Его маленькой сестренке Даше повезло больше. Она была совсем еще маленькая и ровным счетом ничего не понимала. Ей поэтому сказали, что мама уехала.

– А скоро она вернется?

– Не скоро.

– Через час?

– Нет.

– Вечером?

– Нет.

– Завтра?

Светлые бровки Дары запрыгали, мысль о мамином отъезде никак не хотела укладываться в ее русой головке с косичками. Без привычных бантов, которые ей сегодня забыли повязать, да и некому было, головка казалось маленькой, почти птичьей.

– Может быть, завтра, – пообещала ей бабушка, устав от допроса с пристрастием.

– Ну ладно. – И Дара медленно поплелась по комнате, волоча плюшевого мишку по полу.

Она сделала ровно семь шагов, он считал, ровно семь медленных, печальных шагов, а потом снова поскакала вприпрыжку.

А ему тогда уже было десять. Его не стали жалеть, не сказали, что мама надолго уехала, что она насовсем уехала. Ничего для него не придумали. Ему сказали правду: мама умерла. Посчитали взрослым. Смерть не умещалась в его голове, зато там умещалась другая мысль: почему же его не пожалели? Почему ни отец, ни бабушка, ни все эти люди, наводнившие их дом, не посчитали нужным как-то смягчить для него этот удар? Умерла. Нельзя говорить такое ребенку. Он ведь может сойти с ума от безысходности, от тоски, от чего-то такого, что взрослым с их черствостью, с их привычкой к смерти никогда не понять.

Или все это он придумал потом, когда вырос? Нет, нет, все это он чувствовал и тогда. Но все равно в голове не укладывалось. Как же это могло случиться? И почему это случилось с ним? Не с ними, им-то было все равно. Дарья скакала по комнатам, ничего не понимая, отец был где-то в городе, бабушка озабоченно хлопотала на кухне, готовясь кормить ораву людей, которые приходили выражать соболезнование. В ее глазах сквозило нечто такое, о чем ему было даже страшно подумать. Что-то похожее на радость.

Целый день они провели за городом: смеялись, катались на лодке, купались. Потом что-то такое случилось. Кажется, мама сказала, что немного устала. Но они не уехали тут же домой. Они с Дарьей еще бегали по мелководью, поднимая снопы брызг. Мама сидела на берегу и тихо улыбалась. Через силу. У нее уже тогда болела голова, но она улыбалась. Отец сидел рядом и смотрел то на них, то на нее. Потом неожиданно раздался его окрик. Они с сестрой встали как вкопанные и обернулись: отец никогда не повышал на них голоса. Но он на них не смотрел, он смотрел на мать. Он затолкал их в машину, как были, мокрыми, бросил полотенце, и они поехали домой. Дара смотрела в окно, он смотрел отцу в затылок. В салоне машины заметалось беспокойство. Ехали непривычно быстро. Дарья подпрыгивала на заднем сиденье и млела от удовольствия.

Дома мама сказала, что хочет прилечь, голова совсем разболелась, и ушла в спальню. Папа заглядывал к ней пару раз, а потом отправился на кухню готовить ужин. Он чистил картошку, одну, другую, третью, и вдруг как будто услышал что-то, как будто его позвали, – вскочил, бросил нож, покатила по полу недочищенная картофелина. Он побежал в спальню и оттуда уже, да, точно, оттуда, закричал ему:

– Сашка! Беги за бабушкой, быстро!

И он не стал ничего спрашивать. Он не открыл дверь, не посмотрел, что там такое. Он бросился как есть, в тапочках, за дверь побежал к остановке. В автобусе, уже на половине дороги, он заметил, что на ногах – тапочки, что рубашка выбилась из брюк, заправил ее, пригладил волосы. А когда они вернулись с бабушкой, родителей уже не было. С Дарьей сидела соседка. Узнав бабушку, она ахнула, побежала к ней, заплакала.

Беспокойство навсегда поселилось в их доме. Оно теперь было повсюду, спрятаться от него было негде, и оно медленно закрадывалось в его незащищенное детское сердце, тихо переступая холодными своими лапками. Он пробовал включить телевизор, или нет, магнитофон. Но стало только хуже. Потом бабушка позвала его на кухню и сказала: мама умерла. Так вот в лоб и сказала, ничего не объясняя, ничего не добавив. Или нет, добавила: «Только Дарье – ни слова».

Потом она разговаривала с Дарьей, и та шла семь шагов со своим плюшевым мишкой. А он устал от беспокойства, угнездившегося в сердце, ему хотелось убежать. Он залез на чердак. Сел там на старую колченогую кушетку и стал смотреть в круглое окошко. Все вокруг замолчало, звуки погасли, растворились в страшной нависшей тишине. Окошко уходило в небо – бледно-голубое, как выцветшая материя, – и он потерял счет времени. Вечером на чердак, пыхтя и отплевываясь, забралась бабушка.

– Вот бесчувственная душа, – проворчала она, – спит себе. Вставай!

Бабушка увезла их с Дашей к себе, постелила им на большом диване в зале, а сама ушла в свою комнату, где стояли старинные иконы в серебряных рамах, зажгла лампадку, поплыл из-под двери щемящий запах ладана, зашептала. Даша, которая никогда не раздевалась раньше сама, путалась в гольфах, в застежках платица, и когда наконец забралась под одеяло, была такая растрепанная, жалкая. Она хлопала глазами и все чего-то ждала, не ложилась. «Да ты ведь теперь никому не нужна, – подумал он. – Никто не поцелует тебя на ночь, никто не будет рассказывать, какая ты ненаглядная...»

– Дашка, – сказал он, – ложись. Моя ненаглядная Дашка. Я тебе сказку расскажу.

С тех пор он принялся спасать Дашку: от мира, от одиночества. Он придумывал для нее сказки и даже придумал сказку о маме. «Мама стала ангелом, она была слишком красивой, и ее взяли поэтому на небо. Ты, Дашка, тоже будешь такой же красивой, когда вырастешь. Только жить будешь со мной, на земле. Потому что на небе уже все места заняты. Видишь, снег идет? Это мамины перышки летят. Да не хватай ты их руками, дуреха. Тают, правильно... Они ведь, пока летят, в снежинки превращаются. Ложись-ка ты лучше спать. Мама накроет тебя своим крылом белым, тут и сон придет. Не-на-гля-я-я-я-дна-я». Ну кто-то ведь должен был любить эту девочку.

Сначала он любил Дашку из жалости, ничего к ней не чувствуя, повторял мамины слова, мамины жесты. Кто-то ведь должен был теперь это делать. Однажды поцеловал ее в щеку и понял: от нее пахнет, как от мамы. Заглянул в глаза, проверил: точно такие же глаза, темные. И понял тогда: она вырастет и превратится в маму. И кончится этот кошмар! И тогда он снова будет часами смотреть на нее... Но Дашка росла очень медленно. У нее как-то смешно вытягивались руки и ноги. Потом выпали передние зубы, и она, улыбаясь, превращалась в настоящего уродца. Однажды он избил соседского мальчишку. Избил до крови, разбив губу, наставив синяков. Тот назвал Дашку «сирота казанская». Назвал в шутку, не подумав, что она действительно сирота. И он помнил только вспышку белого света перед глазами, только желание убить мальчишку немедленно, сейчас же. Такие вспышки довольно часто потом преследовали его.

Когда ему исполнилось двенадцать, все рухнуло. В дом пришла женщина. Первый раз после смерти матери он вернулся домой из школы и почувствовал запах духов. Резкий, неприятный запах, чужой, враждебный. Она сидела с отцом за столом и строчила что-то под его диктовку. Он называл какие-то цифры, шифры, даты. Она быстро и точно разбра-

сывала их по графам бланка. Но когда отец замолкал и что-то искал в бумагах, она вскидывала на него взгляд, словно винтовку с оптическим прицелом. Он бросил портфель на пол и посмотрел на нее непримиримым взглядом.

– Это Саша. Саша, это Регина Осиповна.

Женщина ответила взглядом еще более непримиримым. Он застыл в дверях. А потом побежал наверх, в свою комнату, закрылся на ключ, вытащил мамину фотографию. Смотрел на нее, сжимая в руках, потом зажмурился, и костяшки пальцев, сжатых в кулаки, побелели. Он хотел только одного – чтобы, когда он откроет глаза, даже запах противных этих духов выветрился с кухни. За плотно сомкнутыми веками стояло белое зарево. Но тогда ему было только двенадцать, и он не знал, что это означает.

Сейчас он хорошо понимал, что означают эти вспышки. Он понял это давно, в пятнадцать лет, в исправительно-трудовой колонии. Но тогда...

Через полчаса дверь распахнулась, и отец, как ни в чем не бывало, спросил, пойдет ли он обедать.

– Мне сейчас на совещание, очень важный контракт заключаем.

Разумеется, Регина эта тоже останется обедать, разумеется, если она его сотрудница, они вместе поедут на совещание. Нужно было отказаться, но он не мог выговорить ни единого слова. Если он раскроет рот, лицо его перекосится, отец поймет. Они спускались вниз как-то очень уж быстро. Очень быстро для того, чтобы подумать о том, как ему вести себя за столом.

Отец выставил из холодильника тарелки – много тарелок с маринованными рыбами, студнями, соленьями, еще с чем-то. Он торопился. Ему и невдомек было спросить, ест она все это или нет. Регина ковыряла вилкой пододвинутое ей блюдо, отец правой рукой быстро работал вилкой, а в левой держал бумаги, перечитывая их уже в сотый раз. «Так тебе и надо! – подумал Сашка о Регине, которая смотрела на отца сквозь бумаги. – Он и не смотрит...» Отец был молодцом, его так дешево не купишь... В этот миг отец, его отец, вдруг оторвался от бумаг и, перехватив пристальный взгляд Регины, улыбнулся ей. Он улыбался очень искренно всегда, его улыбка обещала полцарства. Ему было тогда только двенадцать лет, и он решил, что отец его просто тряпка. Он обещал полцарства этой очкастой дуре. Какая мерзость!

Два месяца после этого случая он не мог спать, в голове проносилась та самая отцовская улыбка, затылок Регины, и дальше мерцали только белые вспышки, ослепительные белые вспышки. Но потом этот неприятный эпизод стерся из памяти, и он почти забыл о существовании Регины. Дашкино взросление и ожидание ее превращения в маму по-прежнему занимали все его помыслы.

– Не вздумай подстричься когда-нибудь, – наставлял он ее, – у тебя должны быть длинные волосы. До самых колен. Иначе ты не будешь красавицей.

Он расчесывал ее жиденькие каштановые волосы гребнем, Дашка жмурилась и согласно кивала. И тоже ждала, когда же станет наконец красавицей. Иногда, просыпаясь, она бежала к постели брата, толкала его нещадно и спрашивала: «Есе нет?» – «Нет еще, – терпеливо объяснял ей он. – Но скоро, очень скоро...» – и снова проваливался в сон.

В конце лета стояла жара. С маминей смерти прошло два года. Вечером, после поминок, когда гости уже разошлись, а кухня была завалена грязной посудой, потому что папа с бабушкой опять поссорились и та ушла, хлопнув дверью, он спустился в полночь на кухню – то ли попить воды, то ли как-то успокоить щемящее сердце. Поднес стакан к губам и тут вдруг понял – это водка. Подумал: ну и пусть. Может быть, именно это и поможет. Зажал нос и выпил залпом то, что оставалось в стакане. И задохнулся, бросился к крану, полоскал рот. Внутри проник огонь, и нужно было срочно погасить его. Он полоскал рот, а огонь опускался куда-то все глубже, к груди, к сердцу, разливался по телу небывалым

жаром. Он закрыл кран и пошел к себе, наверх. Лег, отвернувшись от кровати Дашки, боясь разбудить ее своим огненным драконьим дыханием. Полежал немного в темноте, таращась в потолок. Жар все метался по телу, не находя выхода. Но, странное дело, кожа при этом оставалась холодной. Даже что-то уж слишком холодной. Он пощупал пальцами горло. Пальцы были холодные и мокрые. Может быть, он умирает? Может быть, нельзя было этого в его возрасте?..

К горлу неожиданно подкатила тошнота, и он, сорвавшись с кровати, путаясь в одеяле, в простыне, бросился к двери, скатился кубарем по лестнице, успел только добежать до туалета и чуть не потерял сознание. Из туалета он вышел через двадцать минут, ослабевший и беспомощный. На негнувшихся ногах, сотрясаемый набегающими волнами дрожи, он, шатаясь, поплелся вверх по лестнице, крепко держась за перила. Когда он добрался до самой верхней ступеньки, внизу громко скрипнула дверь, от неожиданности ноги его подкосились, и он сел на пол. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас встретиться с отцом. Меньше всего на свете...

Так он думал, сидя на верхней ступеньке и дрожащими руками теребя прилипшие ко лбу пряди светлых волос. Внизу, в полосе света, падающей из закрывающейся двери в ванную комнату, он с ужасом разглядел Регину в коротком зеленом халатике. Щелчок выключателя – и видение пропало так быстро, что он не успел ничего понять: то ли это игра его воображения, то ли... Белая вспышка свалила его на пол.

Утром к его кровати подбежала сестренка и уставилась на его лоб.

– Что ты там увидела? – спросил он плохо ворочающимся языком.

– У тебя капельки на лбу...

– Ерунда, не бойся. – Он взял ее за руку.

– Ты горячий, – отдернула она руку.

Потом – когда поднялся наверх отец, сунул ему градусник, приехала бабушка с банкой меда – оказалось, что температура у него под сорок. Старичок-врач долго рассматривал его горло, язык, спину, мня живот, но в конце концов решительно заявил – простуда. Сделал укол и пообещал, что температура упадет через несколько минут. Оставил бабушке порошки, пилюли, жидкую микстуру, велел не беспокоиться и откланялся.

Вернувшись вечером, отец сразу влетел к нему на второй этаж, пощупал лоб и удовлетворенно вздохнул. Потом отец с бабушкой ужинали в столовой, она перемыла посуду и уехала, поцеловав его в лоб:

– Все хорошо, я завтра приеду.

И что-то такое было в бабушкиных словах, словно не бабушка она теперь была, а обычная женщина. От слов разило заговором, женскими кознями. Бабушке было непростительно казаться женщиной. Он заподозрил неладное. В воздухе плыли флюиды разительных перемен. Отец притащил ему в комнату большой телевизор, чтобы не скучно было. Телевизор был их гордостью. Такого огромного экрана не было ни у кого из знакомых. Отец сам собрал его.

Весь вечер отец бегал снизу вверх, проверить, как там Сашка, а потом сверху вниз, ответить на очередной телефонный звонок. Вечером он спустился к себе окончательно и выключил, уходя, свет. Сашка проспал весь день, и теперь ему не хотелось спать ни чуточки. Через полчаса ему показалось, что вздрогнула входная дверь. Именно не хлопнула, а, словно кто-то специально придержал ее, вздрогнула, закрываясь. Воздух будто сразу же выкачали из его груди. В голове всплыло сразу все: полоска света, Регина, белое полыхнувшее пламя. Хватая ртом воздух, он замер и прислушался. Но сердце барабанило так, что ничего больше не было слышно. Тогда он встал и на цыпочках подкрался к двери. Какой-то шепот внизу? Или ему кажется? Доктор, уходя, сказал: «Не исключен бред». Это ведь он про него сказал, про Сашку. Может быть, все это и есть бред? Он приоткрыл дверь. Шепот

стал чуть громче и на какое-то время разлился женским смехом. Тогда его руки страшно задрожали.

Опять она. Он убьет ее. Ведь вчера только были поминки... Сволочь! Он ее убьет. Растерзает в клочья. Вырвет ее сердце и растопчет его босыми ногами. Сдерживая прерывающееся дыхание, он стал спускаться и вниз забрался под лестницу, туда, где стояли коробки со старой обувью, лопаты, грабли. Ждать пришлось вечность. Целую вечность он просидел под лестницей, вдыхая запах старого картона и подмоченной пыли. Он превратился в старика за это время. Порой ему казалось, что он умирает, порой что уже умер. Температура, похоже, снова повысилась, руки ослабели и тряслись. Он пошарил рукой за спиной и нащупал ручную тяпку. Он убьет эту гадкую женщину. Уничтожит...

И вот, когда целая вечность осталась за спиной, в ванную комнату прошел отец. Он вжался в коробки, в голове мелькнула мысль о том, что бред кончился, что все страшное только показалось ему. Расслабившись, он вытянул ноги, дождался, пока отец выйдет из ванной, и собрался было подняться к себе, как дверь снова скрипнула.

Нет, подумал он, нет. Пусть все будет по-прежнему. Пусть все будет хорошо, а вчерашняя ночь останется бредом. Я больше не могу. Я как будто бы и не человек уже. И этот мир – как будто бы уже не этот мир. Нет, только не это. Пусть это будет снова отец, пусть не она, ну пожалуйста, пусть...

Но она уже сверкнула изумрудным халатиком, словно ящерка просачиваясь в ванную комнату. Все, понял он. Больше он не мальчик. У него не было матери, теперь нет и отца. И он мужчина, который отомстит за честь матери. Дрожь внезапно исчезла, он взял тяпку обеими руками, вышел из-под лестницы, распрямил спину, смахнул капли пота со лба.

Регина приоткрыла дверь и выскользнула так же быстро. Она собиралась выключить свет и стояла к нему теперь спиной. Он замахнулся тяпкой...

Теперь, через столько лет, забыв многое, что еще случалось с ним в этой безумной жизни, он отчетливо помнил тот момент. То ли руки его ослабели внезапно от температуры, или, быть может, от долгого сидения их слегка свело судорогой, то ли тяпка была слишком тяжелой, но при замахе его повело назад, и он чуть-чуть, чуть-чуть только проехался по полу и откинулся назад. Но она услышала, резко повернулась и успела перехватить его руку на уровне своей груди, в двух сантиметрах от розового соска, выбившегося из-под распахнувшегося халатика. Она не вскрикнула и даже не шелохнулась, а стояла и держала его руку крепко, очень крепко и смотрела в упор, не обращая внимания на то, что зеленая шкурка халатика почти сползла с ее плеч от резкого движения, обнажая грудь. Взгляд ее был преисполнен жгучего презрения. Он понял – это конец, он проиграл. Секунда – и она запахнула халат, взяла тяпку из его рук, развернула его лицом к лестнице и подтолкнула наверх. Он проиграл.

Он взлетел в свою комнату, его бил озноб, зубы стучали. Он проиграл. Нет, не может этого быть. Не может, и он лихорадочно стал одеваться, не взглянув на спящую Дашку, открыл окно, плохо понимая, что делает. Ему нужно было спастись. От себя, от отца с этой ведьмой в зеленой шкурке, от стыда, которым полыхали его щеки. Он двигался как лунатик. Выбрался на крышу, закрыл осторожно окно и только тогда вспомнил о Дашке, прильнул к стеклу, пытаясь разглядеть ее сонное личико. «Ненаглядная моя, – прошептал он, – ненаглядная». Сердце разрывалось от жалости. Она теперь останется одна в этом доме. Ну ничего, ничего. Потом он уведет и ее. Нога скользнула по мокрой крыше, он поехал вниз, успел каким-то чудом ухватиться за лестницу, спустился на землю и, не оглядываясь, пошел прочь.

Сердце прыгало в груди, подлетая к горлу, руки были ледяными. Он выбрался на дорогу, пошел через парк. За парком начинался пустырь, а дальше была железнодорожная станция, по рельсам грохотали зеленые поезда...

«Я им покажу! – думал он. – Посмотрим еще, кто кого!» Он побежал к станции. Остановился в заброшенной будке смотрителя, стал ждать. Промчался один поезд, второй, третий. Он устал ждать. Но следующий полз медленно, окна были темными. Когда поезд остановился, он осторожно забрался в пустое купе, влез на верхнюю полку и замер. Пятнадцать минут, которые поезд стоял на станции, показались ему вечностью. Дважды дверь купе дергали, кто-то заглядывал, но его не заметили. Поезд тронулся. Он посмотрел в окно. Парк и пустырь побежали с ним наперегонки, все быстрее и быстрее. Он прильнул к окну, дыхание стало прерывистым, что-то такое рвалось изнутри. Он расхохотался, хохотал и сам себе закрывал рот: «Ну а теперь кто победил, а? Получила, тварь?» Это была победа, самая первая и самая главная победа, как ему тогда казалось...

6

Он барахтался в пелене между реальностью и снами, реальностью и бредом, но не смертью уже, он понял – смерть отступила. Глубокой ночью, о чем он догадался по тишине за окном, по отсутствию бликов ночных фонарей в комнате, он раскрыл глаза. Кружение по волнам памяти прекратилось. Вернулась реальность. Только почему же он лежит на кровати и руки его привязаны к ней ремнями? Он поднатужился, ремни потянулись так же, как его взбухшие вены. Еще рывок, еще немного. Куда же он попал? И что с ним случилось? И где Ольга? Еще рывок – ремни ослабли. Он высвободил руки, потер запястья. Вставать не хотелось. Сознание снова начало затуманиваться, он закрыл глаза, попробовал сосредоточиться...

С тех пор как умерла Ия, что-то в его жизни хрустнуло, оборвалось. Он по-прежнему рвался к каким-то высотам, под облака, только вот все как-то вдруг потеряло цену. Воздух побед больше не пьянил, не кружил голову. Он ставил себе планку все выше и выше, но победы не приносили радости. Ведь она не могла разделить их с ним. Ия.

Самый страшный вопрос, который он всегда обходил стороной: почему она умерла? Почему именно она, почему именно так? Она покинула их в считанные часы, и врачи, сделавшие потом вскрытие – слишком уж странной выглядела эта смерть, – так ничего и не выяснили. Ему сказали: «Мы не видим причины, по которой это произошло...» То есть не было, на их взгляд, никакой причины ей умирать. Так почему же тогда?..

Смерть Ии осталась загадкой. Люди умирали от болезней, от старости, от травм, а она, выходит, умерла по какой-то другой причине. И эта причина – не возраст. Ей ведь было только двадцать восемь лет. Так что же это? Он взял у матери Библию, прочел и Ветхий и Новый Заветы. Пустые слова, ничего земного. Он все понял, но ничего не взял. Вопросы остались с ним навсегда. За что? Кого Бог наказал таким страшным способом? Ее? Его? Детей? И не изверг ли этот самый Бог, раз творит с людьми такое? Нет, проще было думать, что его не существует. Что небо – это только голубая картонка сверху, вроде потолка. Картонка, за которой нет ничего.

Он гнался теперь за острыми ощущениями. Водил машину с безумной скоростью, занялся нелегальной деятельностью – с двумя помощниками выполнял работу за целую бригаду, а потом нанимал людей получать деньги.

– Это воровство! – говорила мать.

– Кого я обокрал? Есть работа – есть расценки. Я делаю ее с помощником, а не с целой бригадой бездельников. В те же сроки! Работаю за десятерых, своими руками все делаю!

Он всегда бросался в спор, как на амбразуру, с азартом, с готовностью. Даже когда спорил с пятилетней Дашей. Но никогда не давил, не навязывал своего. Когда с ним соглашались, он радостно готов был считать человека другом. Когда возражали, грустно пожимал плечами. Разумеется, все это никак не касалось его работы. Там с ним никто спорить не решался. Да и повода не было. Каждое его начинание вызывало у всех шок. Идея, казалось, лежала на поверхности, однако в голову всегда приходила только Марку.

Марк ходил по краю пропасти. Андрей рассказывал, что его дальний родственник уже попался на такой вот деятельности. Настучали на него, и сел человек за свои же труды на три года.

– От тюрьмы и от сумы не зарекайся, – смеялся Марк и продолжал гнуть свое.

Прошел год, но Марк никак не оправился от смерти жены. Мать прожила в его доме полгода, но ей не хотелось бросать надолго свое серебро и картины без присмотра. Она берегла свой музей как зеницу ока. А вокруг дома сажала цветы, нужно было ездить поливать.

– Марк, не прожить одному мужику с двумя детьми, – повторяла она. – Жениться тебе надо. Сколько я еще протяну? Кто твоей Дашке будет нос утирать? Сашка, что ли? Совсем мужик в няньку превращается. Не дело это.

Марк отмахивался от нее, злился, топал ногами. Приходил домой и взлетал наверх, в детскую. Дети, тихо посапывая, видели уже десятый сон. Они почти не встречались. Он стоял и плакал посреди детской, от любви к ним, от жалости, от собственной боли. «Все, – говорил он себе. – В выходные...»

И в выходные сажал их в машину, возил по городу, заваливал подарками. Сашка мало что выбирал для себя, больше для Даши.

– Пап, Дарья такого тигра давно хочет. Давай, а?

Марк недоумевал. Сын был похож на него как две капли воды, но душа у него была материнская. Как-то мало он походил на шумных соседских мальчишек. Все с Дашкой возился. Играл с ней, читал ей свои взрослые книжки, потом ее детские. Гулять ходил только с ней, ровесников сторонился, на велосипеде катал. И соседские девчонки с замиранием сердца несли Даше маленькие подношения:

– Дашунь, на тебе ленточку. Пусть твой братик меня покатает, а?

И Даша просила брата. И он беспрекословно вез выбранную ею девочку вокруг парка, не отвечая на ее вопросы, не разделяя восторгов. Через неделю он обнаружил у Даши дома целый склад ленточек, бусинок, засушенных цветочков и приказал больше ни под каким видом не покупаться на девчоночьи просьбы. И Дарья справилась. Даже когда однажды соседская взрослая Танька предложила ей большую шоколадную конфету «Мишка на Севере». Слово брата было для нее законом.

Выходные проходили, а работа по-прежнему отнимала все его время. Официально он работал в спорткомплексе: стадионы, залы, площадки, разбросанные по пригородам. Это было удобно. Разъезжая на машине, которая служила ему еще и лабораторией, он выполнял заказы везде, где только бывал. Но в какой-то момент появился новый директор, человек тертый, с размахом, и тут же отметил для себя уникального работника, который скромно числился среди персонала, обслуживающего табло. Заметил, присмотрелся, навел справки. Его знал весь город. Начиная от местной администрации, кончая ночными сторожами и официантами рюмочных. Директор пригласил его к себе.

В кабинете он достал бутылку дорогого армянского коньяку и две стопочки из-за портрета Леонида Ильича и начал душевную беседу. «Гусь еще тот!» – определил его сущность Марк, пересказывая этот разговор Андрею. Из кабинета он вышел с подписанным приказом о назначении его заместителем директора и устной договоренностью, что часть его «командировочных», которые директор теперь брался узаконить, будет без всяких протоколов оседать в кармане его непосредственного начальника. Марк увлекся во время беседы и рассказал Владимиру Прокофьевичу о возможной модернизации их собственного спорткомплекса. Импортные покрытия, новое табло, прожекторы. Если бы все это сделать, то и памятника им будет не нужно: вот он, памятник. Директор приказал все это подробно расписать, обсчитывать, проводил Марка в новый кабинет и представил секретаршу:

– Знакомьтесь, это Регина. Незаменимый работник. Она и за бухгалтера вам все распишет по нашему проекту, и спроектировать поможет. (Он уже говорил «по нашему», отметил Марк.) Член партии.

Значит, другие дела с ней обсуждать нельзя...

– Понял. Здравствуйте, Регина. – Он протянул руку.

Женщина поправила очки, пожала ему руку, покраснела...

7

– Я не могу, не могу, – говорила она три недели спустя своей сестре. – Не могу, понимаешь, Капа? Сижу и через дверь кожей ощущаю его присутствие. А если он уезжает, вздрагиваю от звука каждой подъезжающей машины, бегу к окну. Я совсем опустила...

– Да не плачь ты, дурочка. Ну и что с того? Ты в него влюбилась, с кем не бывает. А он-то что?

– Ничего. – Регина всхлипнула, и Капа, вздохнув, протянула ей свой большой мужской носовой платок. – Он меня не замечает. Диктует что-то, смотрит в глаза – и не видит. Интересно, как у меня дела или как настроение. Но меня не видит...

Капа была на три года младше сестры, но всю жизнь относилась к ней как к маленькой. Регина была не замужем, а Капа выскочила за молодого курсанта, как только окончила школу. Тогда все, включая родителей и сестру-студентку, получавшую ленинскую стипендию в Ленинградском университете, осудили ее поступок и заклеили позором. Мать и отец впервые переступили порог ее нового дома через пять месяцев после ее побега и свадьбы, когда Капа с Иваном привезли домой крепенького розовощекого младенца. Осип Измайлович (Регина, поступая в университет, записала в анкете – Олег Игоревич) взял ребенка на руки и воскликнул:

– Гляди, мать, Броня, вылитый Броня!

– Кто это – Броня? – спросил у Капы притихший ненаглядный ее Ванечка.

– Потом, – так же тихо ответила ему Капа.

– Как назвать собираетесь? – строго спросил Осип Измайлович.

– Васькой, – сообщил Ванечка и тут же понял, что сморозил глупость, потому что лицо тестя пошло багровыми пятнами. – Э... э-э-э, мы с Капой еще не решили окончательно...

Онемевший Осип Измайлович стоял посреди комнаты, начисто утратив дар речи. Тогда Ольга Карловна положила карапуза в колясочку, вытащила из сумочки валокордин, накапала двадцать пять капель в стаканчик, налила воды, протянула мужу и пошла к столу, куда они сложили принесенные сумки, коробки и коробочки Капа шире раскрыла глаза и села возле матери – как ребенок под новогодней елкой в ожидании подарков. Ольга Карловна стала потрошить сумки.

Это тебе, мое солнышко, мой внучек. – Три сумки были заполнены всевозможными детскими вещами, сосками, импортными бутылочками. – Это вам, Ванечка. – Она протянула ему длинную коробочку, он раскрыл и ахнул – настоящие кварцевые часы. – Кстати, как ваше имя-отчество? Ах, Григорьевич? Замечательно. Это тоже вам. – На столе появились белоснежная рубашка и галстук. – А отец ваш жив? Что вы говорите, какое горе! – Она покачала головой и чуть ли не прослезилась.

Ваня внимательно заглядывал ей под руку, загипнотизированный зрелищем раздачи подарков. Ему родители никогда ничего не дарили.

А еще какие-нибудь имена вы для ребеночка придумали? Васями, к сожалению, часто зовут котов. Представьте, станет кто-нибудь кричать: «Васька, Васька», а малютка наш бесценный будет вздрагивать. Это тоже вам. – Крупные запонки окончательно поразили молодого курсанта. – Так как же? Егором? А еще как? Славой? Слышишь, отец, Славочкой, как мы и мечтали. Покойного братца Осипа Измайловича тоже звали Славой. К тому же малыш ваш так на него похож. Ну, значит, назовем его Славиком? Слышишь, отец? Вот и снова Бронислав у нас в семье появится...

Ванечку отправили переодеваться в ванную, Капа мерила мутоновую шубку, вертась перед зеркалом.

– Мам, ну что же тут воротник такой огромный? Сейчас так не носят...

– Для тепла, Капочка, для тепла. Тебе коляску теперь возить по снегу. Ты о моде не думай. Модницы, они даже без нижних штанов ходят по холоду, в одних чулочках. О будущих детях не думают, а тебе еще рожать и рожать...

– Боже упаси! – взвизгнула Капа.

Мать сняла с нее шубку и потащила за руку на кухню греть принесенные пироги, рагу из курицы доставать из трехлитровой банки, рюмки хрустальные – подарок от родственников – распечатывать. Осип Измайлович остался в комнате, багровый оттенок с его лица сходил понемногу, он покачивал детскую коляску и нежно ворковал:

– Броня мой, кровинушка моя! Вылитый Броня...

Через три года молодой курсант превратился в лейтенанта и остался в штабе, в родном городе. Он ходил задрав нос, считая, что это исключительно его заслуга. Он никогда так и не узнал, как Ольга Карловна ходила по начальству и на все лады расхваливала своего зятя, сетовала на здоровье младшей дочери и внуков, носила справки, где по латыни значились каверзные болезни, вылечить которые можно было только в Москве, Санкт-Петербурге или, на худой конец, в родном городе.

Капа родила еще двух дочерей и окончательно на этом остановилась. Отец и мать со временем перестали ставить ей в пример старшую сестру, Рину, которая окончила университет с красным дипломом, аспирантуру с отличием, вступила в партию и корпела теперь в невзрачном проектно-институте за мизерную зарплату. А потом и вовсе вляпалась в историю...

Пик ее женской зрелости уже прошел. Прошел со скандалом. Впервые Рина оторвала голову от книг и конспектов, окончив аспирантуру. Оторвала только на минутку, чтобы снова погрузиться в чтение газет, последних постановлений партии, книг по производственному строительству, по архитектуре. Поскольку времени оглядеться и подыскать хорошего парня для создания семьи у нее не было, она все более уподоблялась стареющей деве: ходила дома в протертом до дыр байковом халате, носила очки в смешной оправе. Косметика, сохранившаяся со студенческих времен, благополучно засохла на полочке в ее ванной. Только по ночам, в сновидениях, воздух вокруг был исполнен какой-то сладостной истомы. Сны ее были удивительно замысловатыми. В жизни все было проще. И только однажды, в день, когда она получила повышение, знакомый аромат истомы из сновидений настиг ее.

Решение сделать ее начальником отдела исходило от партийной организации. Ее вызвали на ковер к генеральному. Тот что-то буркнул, пожелал больших трудовых успехов и отправил ее к своему заму по кадрам. Рина вошла в кабинет и остолбенела. Он сидел у окна в кресле и задумчиво курил сигару. В огромном кабинете над его головой висело облако приятного незнакомого дыма. Задумчиво посмотрев на Регину, он вальяжно предложил ей присесть, попросил рассказать о себе.

Рина затараторила что-то привычное, про университет, аспирантуру, проекты, но он перебил, уточняя:

– Да нет же, я не об этом. Расскажи мне о себе.

В голосе его было так мало официальности, что Рина растерялась.

– Мне нечего рассказывать, – честно призналась она.

– Ну хорошо, я помогу. Тебе тридцать два года. Ты замужем.

– Нет. – Регина покраснела.

– А дети?

– Тоже нет. – Она была удивлена, наверняка он уже изучил ее личное дело.

– Хорошо, пойдем дальше, – продолжал Дмитрий Николаевич. – Значит, как говорится, есть человек. – Он смотрел на Регину, улыбаясь исподлобья.

– Нет, – промямлила Регина.

– Действительно нет?

– Нет.

– Проверим. А если я, к примеру, приглашу тебя сегодня в ресторан, то ты, как женщина совершенно свободная, не откажешься провести со мной вечер?

Регина хлопала глазами, ничего не понимая.

– Ну, к примеру, гипотетически, – настаивал он.

– Наверно, – прошептала Регина, – то есть я хотела сказать, конечно, если...

Она сбилась, а он все требовал:

– Так наверно или конечно?

– Да, – прошептала Регина, красная от смущения, глядя в пол.

– Тогда после работы, ровно в половине шестого, я буду тебя ждать на углу, за магазином «Ткани», в машине, – тихо сказал он и в полный голос добавил: – А теперь идите, Регина Осиповна, на свое новое рабочее место. Вот приказ о вашем назначении. Я вас от души поздравляю и, – он снова понизил голос, – жду вечером, чтобы отпраздновать это радостное событие.

Рина встала, взяла приказ, протянула руку, которую Дмитрий Николаевич от души потряс, и как лунатик направилась к выходу. Он усмехался, когда она неуверенной походкой шла к двери, обреченно опустив плечи. Господи, до чего же она трогательная, эта Регина, и до чего скромная. Слава Богу, хоть в обморок не упала от его предложения.

Новая начальница вела себя, как отметили ее подчиненные, весьма странно. Вполуха выслушивала поздравления с назначением, отвечала невпопад, переспрашивала каждое слово и без конца смотрела на часы.

В пять состояние ее было близким к истерике. Что это с ней такое приключилось? Что это за предложение? Глупая шутка начальника? Или он собирается приставать к ней с домогательствами? А если так, то что делать: должна ли она отвергнуть их или нет... Ее никто никогда не домогался. Она даже не знала толком, как это происходит. Но, разумеется, она ему не уступит. Ни за что. Пусть он и интересный мужчина, пусть разъезжает по заграницам каждый месяц, но он ведь женат. А она член партии, руководитель отдела. Господи, да почему же все так запутано и страшно? Нужно было отказаться, тогда все стало бы сразу ясно. Она подойдет к его машине, откроет дверцу, сядет и, когда он спросит ее: «Ну что, поехали?», вежливо объяснит ему, что она здесь только для того, чтобы сказать, что никуда с ним не поедет.

Из отдела она вышла последней. Заперла дверь, оставила ключ вахтерше. Напротив, через улицу, полыхали огромные зеленые буквы: «Ткани». Регина посмотрела по сторонам, выпрямилась и стала переходить дорогу. Она все время оглядывалась, не видит ли ее кто. Сердце бестолково скакало в груди, как перед экзаменами. Ноги подгибались от слабости. В какой-то момент ей вдруг показалось, что все это розыгрыш. Что Дмитрий Николаевич сидит сейчас в своем кабинете, наблюдает, как она крадется по тротуару за угол, и хохочет во все горло. Регина закусила губу, свернула за угол и нос к носу столкнулась с Дмитрием Николаевичем.

– Ну слава богу, я уж было собрался идти тебя искать!

Он потянул ее за руку, подтолкнул к дверце, сам обогнул машину, сел. Регина наклонилась и порвала чулок – стрелка побежала отчаянно быстро вверх по ноге. Она засмотрелась на нее и не заметила, как машина тронулась с места, мимо побежали сугробы, огни, пешеходы.

– Я знаю чудесное местечко за городом...

Ее сердце упало: «Господи, куда он меня везет?»

– Я...

– Ты была когда-нибудь в «Мотыльке»? Нет? О, ты многое потеряла. Сейчас наверстаем.

– Дмитрий Николаевич, – взмолилась Регина.

– Дмитрий, просто Дмитрий. – Он протянул руку к ее руке, закрывающей убегающую от колена стрелку, и ласково потрепал.

Регина опешила. Нет, не от вольности этого жеста. От чего-то жарко взорвавшегося где-то в животе. От его прикосновения по руке поползли мурашки.

Дмитрий Николаевич говорил, не умолкая, весь вечер. Он рассказывал ей о своих заграничных поездках. Недавно он вернулся из Португалии. Удивительная страна. Люди выглядят строгими. А мрачный вид их дворцов, а какие песни поют... Постепенно Регина оттаяла, начала прислушиваться. Он говорил так интересно. О стрелке на своем чулке она вспомнила только уже за столиком, с аппетитом уплетая цыпленка табака, бутерброды с икрой.

Он заказал шампанское для нее, она пыталась возражать. «Нет, – сказал он, – за твою карьеру. Сегодняшний день – первый шаг в ней».

– Тебе не скучно со мной? – спросил он в середине вечера.

– Что вы! Я и представить себе не могла, что вы такой...

– Ты. Пожалуйста, говори мне «ты».

– Ты.

Он пригласил ее танцевать. Играли медленный фокстрот, ее любимый. Мурашки от его прикосновения больше не бегали по телу, руки были нежными, очень нежными, внутри разливалось умиротворение...

Он затормозил в двух метрах от ее подъезда, галантно поцеловал руку, поблагодарил, за сказочный вечер. «Да что вы, – хотелось крикнуть ей, – это ведь не я, это вы подарили мне сказку...» Но машина уже катила по тротуару к грохочущей магистрали. Все. Вот и все. Он ни о чем не попросил ее, ничего не предложил, даже не сказал, увидятся ли они еще когда-нибудь...

Регина не спала две ночи. На третью принялась писать ему письмо. Не закончила, перечитала, порвала листок в мелкие клочки и сунула в сумочку. Мать всегда с подозрением относилась к мелким клочкам бумаги: если у человека все в порядке, он никогда не станет так крошить бумагу, считала она.

На следующий день, за две минуты до окончания работы, он позвонил ей, предложил повторить тот вечер. Она согласилась с нескрываемой радостью, с поспешной горячностью. И уже не кралась за угол, летела на крыльях. Он поцеловал ее в щеку, когда она села в машину. И это было естественно, так целомудренно целовали ее двоюродные братья, ежегодно являясь к ней на день рождения.

На этот раз был другой ресторан, не мотылек, а скорее ночная бабочка: полумрак, всего восемь столиков, повсюду – цветы, много иностранцев. «Это валютный, – объяснил он. – Осталось кое-что от командировки». Снова один-единственный медленный танец, рассказы о заморских странах. Он коллекционировал картины, рассказывал о художниках. Лотрек, Ван Гог, Дали... Он говорил о них так, словно они его ближайшие друзья. Вечер показался ей очень коротким, хотя домой они добрались уже за полночь. Он не вышел из машины, как и в прошлый раз, не открыл дверцу. У него были такие грустные глаза.

– Ты живешь с родителями? – спросил он.

– Да. – Она нервно сглотнула: началось.

– Завтра я уезжаю. Командировка на две недели в Италию.

Ей стало вдруг холодно. Две недели показались вечностью.

Целых две недели она его не увидит. Они помолчали.

– Ты знаешь, я женат, – сказал он.

Она кивнула, конечно же, она знала. Только старалась не думать об этом.

– Мы давно чужие люди. Нет, не думай, это не пустые слова. У меня своя комната. Я живу с семьей как в коммунальной квартире: сам себе готовлю, сам стираю, убираю. Жену практически не вижу, дочери ко мне никогда не заходят. Они удивительно похожи на мать.

Регина молчала.

– Я старше тебя на пятнадцать лет, – добавил он. – Тебя ничего не пугает?

– Пугает. Я не увижу тебя целых две недели.

Он провел пальцем по ее щеке. Она поймала его руку, прижала порывисто к лицу. Показалась слеза, упала на его запястье. Он улыбнулся:

– Ну тогда...

Полез в карман пиджака, порылся и достал ключ:

– Что это?

– Это мне дал старинный друг. Поедем?

– Поедем, – прошептала Регина, борясь со слабостью, так неожиданно взявшей в плен ее тело.

Через два часа, встав с постели в чужой, плохо обставленной квартире, он разглядел наконец и пятна крови на простыне, и ее лицо со стиснутыми зубами. Но все еще не мог поверить...

– Господи, почему же ты не сказала мне. Господи! Кто бы мог подумать... А я-то... Прости меня...

Он обнимал ее ноги, а она закрывала ему рот рукой. Пытка, которую она сейчас перенесла, сблизила их самым непостижимым образом. Он стал теперь самым родным для нее, самым желанным. Стоило заплатить за это даже болью, даже стыдом.

В первую неделю она каждый вечер плакала в подушку. Потом пришла к Капе и рассказала ей обо всем. То есть – почти обо всем. Она не сказала только, кто он, не сообщила, что он женат и что является ее непосредственным начальником.

– Ну и слава Богу, – сказала ветреная Капа, укачивая новорожденную дочку, – когда-нибудь это должно было произойти... Но теперь хорошо бы тебе узнать...

И младшая сестра поучительным тоном рассказала старшей, как «получаются» дети, как этого избежать, если пользоваться двумя простыми вещами: календарем и презервативами.

Через две недели он вернулся. Загорелый и счастливый. Она выстирала и постелила теперь чистую простыню на постель. И еще одну принесла свою: на всякий случай – на смену...

Теперь они встречались почти каждый день. Минус ее грипп, минус его поездки. Весной он пригласил ее к себе домой, посмотреть картины – жена с дочерьми уехали на дачу. Она вошла в его комнату на цыпочках. Три стены занимали стеллажи с книгами, с полу до потолка, одну – картины. Она неуверенно подошла к полкам, наугад вытащила книгу.

– Осторожно! – резко крикнул он ей. – Осторожно, – повторил более мягко, когда она удивленно обернулась. – Это старинные издания. Сборник Ахматовой с ее автографом.

Он аккуратно открыл книгу, показал ей знаменитый ахматовский росчерк.

– Понимаешь, это мои дети, – он обвел руками книги и картины, – в них мое сердце, вся моя жизнь.

Так прошло полгода. Чужая квартира стала им обоим родной и близкой, они чувствовали себя там как дома и потеряли в какой-то момент бдительность. Потому что по-настоящему влюбленные люди всегда теряют бдительность...

Марья Тихоновна вышла из поликлиники прихрамывая, артроз мучил ужасно, пропади все пропадом. А еще в прачечную нужно зайти: свое сдать, да еще из бабкиной пустой квартиры выгребла гору. Сверкнув перед очередью красной книжечкой – пусть только два чело-

века, но не стоять же ей здесь со своим артритом! – Марья Тихоновна принялась выгружать белье из сумки.

– Минуточку, – сказала ей молоденькая приемщица, внимательно относившаяся к своим обязанностям. – У вас один номер неправильный.

– Чего? – не поняла Марья Тихоновна.

– Номер, вот. – Девушка брезгливо держала простыню за самый краешек и совала ей под нос нашитую бирку с цифрами.

– Че-го?!

А эти двое из очереди пялились на нее с любопытством, ухмылялись...

Домой она бежала, позабыв о больных ногах. Ярость клокотала в груди. Нет, ее кобель не доживет до завтрашнего дня!

– Сволочь ты старая, опять за свое! – заорала она с порога. – Я-то, дура, уши развесила, я-то думала, образумился на старости лет... – и принялась хлопать простыней мужа куда попало.

– Да ты что?! Спятила! – Он поймал слетевшие очки, ухватился за простыню. – Совсем рехнулась?

– О-о-й, – заголосила Марья Тихоновна, повалившись на стул и обливаясь слезами, – когда же ты, ирод, угомонишься? Детей бы постыдился.

– Маша, Маша, да о чем ты? Что случилось?

– Вот! – вскочив, она азартно совала ему под нос уголок простыни с номером. – Вот что случилось!

Вопли жены не прекращались, пока Николай не смекнул, что к чему. Он ценил дружбу, безусловно ценил, но домашний покой ценил еще больше. В конце концов он все рассказал ей.

Марья Тихоновна обалдела от новости и сначала даже посмеялась. Вернула мужу простыню, чтобы он передал дружку своему, Димке. Ай да Димка. Поставила чайник, расслабилась. Но, когда пили чай с лимоном, Марья Тихоновна вдруг подумала, что она, больная женщина, должна из-за Димки почему-то страдать, а он, значит, чистенький такой, будет сидеть в своем кабинетике, с любовницей в их квартирку наезжать. Желание отомстить пересиливало в ней все прочие чувства, даже здравый смысл...

– Галя! Че хотела спросить тебя, слышь? Мужика своего накрыла с поличным. Ага! Представляешь? Так он же отпирается. Да! Говорит, Димка твой ночевал как-то в той квартире, поработать, что ли, хотел ночью. Так я чего, Галь, номер хотела у тебя спросить простыней-то ваших. Какой? Не-е-е-е... У меня не такой был. Че говоришь? Номерочек сказать? Пожалуйста. Записывай... Думаешь, Димка чудит? На старости-то лет? Ну смотри, тебе виднее...

Галине было сорок пять лет. Муж не интересовал ее уже полжизни, но после звонка Машки она призадумалась. Хорошо бы выяснить, что к чему. Ревности она не испытала. У нее давно была связь на стороне, многолетняя, прочная, почти как второе замужество. Но она соблюдала правила конспирации. Эта связь не могла разрушить ее семью, не могла бросить тень на мужа. Муж занимал высокую должность, зарабатывал большие деньги, привозил шмотки дочерям из-за границы, оплачивал квартиру, дачу, выдавал ей ежемесячно половину своей огромной зарплаты – пятьдесят процентов, как при разводе. Но о разводе не помышлял. Развод мог поставить крест на его карьере. Ей хотелось завешать все стены в квартире коврами, купить горку, польский сервиз на тридцать персон, что стоял в соседнем универмаге, но после покупки очередной партии книг на это не оставалось средств.

«Я хочу большой ковер на стену», – заявила она ему, смеясь, после рождения второй дочери. И он приволок ковер. Она села на стул и заплакала, когда он гордо развернул перед ней что-то потертое и выцветшее от времени. Ей не нужен был девятнадцатый век,

она хотела пушистый и яркий, пусть даже синтетический. Никаких объяснений она слушать не стала и закрыла за собой дверь в спальню. И он больше ни разу не вошел туда. Так и остался жить в своем кабинете. Сначала ей казалось, что пахнет разводом, она засуетилась, несколько раз пыталась проникнуть к нему ночью. Но дверь была заперта на ключ.

Потом ей стало скучно без мужчины, тело как-то заскучало, не сердце. И тогда появился у нее второй муж. Он жил за две остановки от их дома, она ездила к нему каждый день на троллейбусе, хозяйничала в квартире, получала свою порцию ласки, грызла с ним вместе семечки, глядя в телевизор, потом спохватывалась и бежала к себе, как была, в домашнем халате под плащом. Ее настоящий дом был именно там. Но дочери обещали много хлопот, требующих денег, а у ее второго мужа их не было.

Да и квартирка была однокомнатная. Ну ничего. Дочери выросли, скоро, очень скоро она освободится и переедет сюда насовсем...

У Галины была собственная мораль, не коммунистическая. Однако общественное мнение она высоко ценила и старалась не оскорблять. То, что муж завел роман, нисколько не смутило ее. Наоборот, она даже удивилась, что он раньше этого не сделал. Честно говоря, и мужиком-то его давно не считала... А значит... Наверно – последний гормональный всплеск. Но хотелось бы знать – насколько это серьезно и какие у ее Ромео планы на будущее.

Галина отправилась в ближайшую прачечную, постучала в кабинет заведующей и рассказала ей душещипательную историю про несуществующего сына, чужую простыню и свои подозрения. Та порылась в своих книгах, куда-то позвонила и записала для нее на листочке адрес прачечной, выдававшей такие номера. Там Галина повторила свою историю и быстро выяснила адрес таинственной незнакомки. Подняв на ноги институтских подружек, через два дня она знала о Регине все.

И все, что она знала, было неприятно. Во-первых, молодуха оказалась старой девой. Значит, захочет непременно замуж. Во-вторых, говорили, что она последнее время не ходит, а порхает по коридорам института. Значит, влюблена. Нет, ребятки, так дело не пойдет...

Он вернулся из Италии и позвонил из квартиры Николая.

– Сирени ложатся в полотна великих и малых несчастно и скоро.

Венеция катится в лодках, и плещутся ало плащи матадоров...

Бросай все! Я жду тебя!

– Но еще только обед. – Она так и села на стул, услышав родной голос в трубке.

– Скорее, скорее! – шутливо кричал он. – Даю тебе отгул на полдня, я ведь твой начальник.

Это был самый упоительный день в их жизни. Между занятиями любовью он взалхлеб рассказывал ей об Италии, показывал привезенные книги и картину, где на ослепительно белом фоне расплывались таинственные сиреневые пятна.

– Закрой глаза, – жарко шептал он, – что ты теперь видишь?

– Это как парусник. – Из сиреневого пятна на нее выплывали паруса, реи, азарт капитана... – Совсем как у Джойса, помнишь, ты мне переводил?

– Только ты могла увидеть. Знаешь, я в следующий раз возьму тебя с собой в Италию как специалиста по промышленному проектированию, по обмену опытом. Мы с тобой попробуем пробраться в Венецию, я еще никогда не видел ее. Представляешь, город в воде, город влюбленных, повсюду плеск волн...

Он целовал ее и говорил:

– Лапушка моя, ты самая умная женщина на свете... и самая красивая...

И они снова падали под ударами колокола огромной, как этот мир, любви.

Когда он вернулся домой с чемоданами, в кабинет постучали. Он вышел, в темном коридоре стояла Галя.

– Нужно поговорить, – сказала она и отправилась на кухню, на нейтральную территорию.

– Ты знаешь хотя бы, что твоя Морозова еврейка?

Он резко встал, опрокинув стул, повернулся к двери.

– Я подаю на развод, – сказал он. – Завтра же.

– Как бы не так, – тихо сказала она ему вслед, но он уже не слышал этого.

На следующий день Регина пришла на работу, пылая его вчерашними поцелуями. Она опоздала, и все в отделе смотрели на нее как-то странно. Молодые ребята, вчерашние студенты, поглядывали и цокали языком. Ей это не понравилось. Она решила пресечь это немедленно. Встала из-за стола, но тут дверь открылась, и секретарь директора пригласила ее на ковер.

Дальнейшее было похоже на страшный сон. Директор брызгал слюной и орал на нее во все горло. Она только морщилась и болезненно поглядывала на полуоткрытую дверь, где в приемной сидело человек восемь. Назавтра институт гудел как улей. Из уст и уста передавали одну и ту же новость. Собрали партийное бюро, повестка дня: «Аморальное поведение...» Это было невозможно. Она молчала. Она не сказала ни слова. Его жена говорила пошлейшие вещи: «Разрушила дружную советскую семью», «окрутила стареющего человека», «довела до предынфарктного состояния...» Регина только раз взглянула на нее и поняла: он не обманул ее, дружной семьи никогда не было, эта женщина – сплошное лицемерие. Его не вызвали, с ним говорили отдельно. Он должен был сказать им... Он собирался уйти от нее... Но он молчал. Ей вынесли строгий выговор с занесением, на нее показывали пальцами, мужчины смотрели на нее, откровенно улыбаясь, а он молчал... Она еще надеялась, еще верила ему. «Что же ты молчишь, хороший мой? Что же не скажешь им, мой родной?»

Рассказывали, даже первый зам не выдержал, пришел к нему в кабинет:

– Что же ты, Дмитрий? Я тебя всегда уважал. Да разведись ты, сделай все как положено, если любишь. Плюнь на должность...

– У нас дружная семья, – сказал Дмитрий Николаевич совсем чужим голосом, стоя к нему спиной и глядя в окно, туда, где большие зеленые буквы висели над магазином. Буква «Т» мигала – вот-вот погаснет.

– Ну ты...

«Что же ты молчишь? Сколько же ты будешь молчать?» Через две недели она не выдержала. Написала заявление об уходе по собственному желанию. Пришла к нему в кабинет. Он не сказал ни слова. Подписал. Она помедлила секунду. Одну секунду, чтобы унести в своей памяти не грязь, которая обрушилась на нее в последнее время, а его лицо, его больное, измученное, осунувшееся лицо...

Она устроилась работать секретаршей в спортивный комплекс. Мама устроила. А до этого мама устроила ей аборт по блату. Лежа пятнадцать минут на столе, она выла в голос. И не столько от нестерпимой боли, сколько оттого, что все кончилось. Раз и навсегда. Вот теперь действительно – все. Потом она еще долго болела и вышла на новую работу через два месяца. Она так и не узнала никогда, что, когда Дмитрий бросился в свой кабинет и сел писать заявление о разводе, в комнату неслышно вошла Галина. Она заглянула ему через плечо, засмеялась.

– Вон! – закричал он на нее. – Ты не смеешь...

– А ты знаешь, – перебила она его, – что при разводе я потребую раздела имущества? Да, милый мой. И не смотри на меня так. Я получу половину всего, что у нас есть. А значит, ровно половину твоих картин, вот этих любимых твоих книг, да и гобеленчик тот мне со временем понравился...

Он замер и повернулся к ней.

– Ты не сделаешь этого, – попросил он глухо.

– Сделаю, – она коснулась его плеча, потрепала, – обязательно сделаю, дорогой. Ты меня знаешь...

Галина вышла, а он всю ночь просидел, разглядывая свои картины, глядя корешки книг, перелистывая альбомы...

Регина никогда так и не узнала об этом. Но даже если бы узнала, вряд ли поняла бы. Дикая боль, перенесенная во время операции, изменила ее до неузнаваемости. Она стала циничной, резкой.

Через год к ней пришел пожилой человек в черном костюме и попытался передать большой пакет. «Это вам от него», – сказал он, страдая одышкой. «К черту! Мне ничего от него не нужно! – заявила Регина. – Верните ему и больше не смейте показываться мне на глаза!» Она оттолкнула пожилого мужчину и с грохотом захлопнула дверь.

Дома Николай сел в кресло, опустил руки.

– Не взяла, – радостно засуетилась жена, разворачивая пакет. – Я так и знала. Пусть теперь у нас висит. – И она стала пристраивать на стену картину, где на ослепительно белоснежном фоне расплывалось загадочное сиреневое пятно.

Николай не мог вернуть картину другу, тот лежал теперь на городском кладбище, под охапками цветов, под кольцами венков...

А Дмитрий Николаевич увидел однажды странный сон, где кружились ночные бабочки... Вдруг он охнул от острой боли и сел в кровати. Валидол. Где же? Ну да, на кухне. Он встал, но так и не дошел до двери. Он упал, и ему почудился плеск волн, дома, утопающие в воде. «Так вот ведь оно, Рина, видишь, вот...» – хотел было крикнуть он, но не крикнул, не успел...

Жена его после похорон вздохнула облегченно, перебралась через сорок дней к своему второму мужу, стала распродавать библиотеку Дмитрия, его картины. Появлялись важные, солидные люди, предлагали неслыханные за такую дребедень цены. «А все-таки он знал в этом толк», – соображала Галина, переводя деньги на свою сберкнижку и купив, наконец, мохнатый красный ковер, о котором всегда мечтала...

8

И вот теперь, через пять лет после всей этой истории, Рина снова влюбилась.

– Ринка, я тебя умоляю. Ты должна выйти за него замуж. Замуж – и точка. Слышишь, по-другому – не соглашайся!

– Да он ничего от меня не хочет, как ты не понимаешь, – взвизгнула сестра и залилась горячими слезами.

Капа не выдержала, сунула ребенка в коляску, выгнала Ринку сморкаться в ванную, а сама тихонько сняла трубку телефона:

– Мам, с Регинкой опять начинается... У меня, у меня... Конечно, задержу.

Через полчаса, охая на каждой ступеньке, Ольга Карловна вышла из такси и поднялась по лестнице на третий этаж «сталинского» дома, где жила Капа.

– Ой, и говорила я тебе селиться внизу, ты ж меня не слушала, вот и прешь теперь на такую высь! Где она?

Капа молча показала матери пальцем на дверь гостиной. Ольга Карловна поплакала с дочерью для порядка, минут пять, и, как ни в чем не бывало, стала сыпать вопросами. Кто такой? Начальник? Это хорошо, что начальник. Женат? Вдовец? Давно? Два года – это срок. Двое детей? Ринка, да ты очумела, на что тебе такая обуза? Ладно, ладно, хорошо, отец не слышит, земля ему пухом. Как зовут? Да ты что, Марк? Он... Нет? Что за девки у меня, что за девки... А теперь слушай внимательно, Ринка, мне с тобой хлопот хватило, теперь слушай...

На следующий день в обеденный перерыв в здание управления, кряхтя и переваливаясь с боку на бок, как уточка, вошла пожилая женщина с большой хозяйственной сумкой. Вахтер открыл рот, но она взглянула на него грозно, и он отворил перед ней дверь в приемную.

Ольга Карловна вошла в тот момент, когда Марк отдавал Регине последние распоряжения. Вошла и молча начала распаковывать сумку. Марк замер, глядя на нее.

– Это моя мама, – робко пояснила Регина.

– Ольга Карловна.

– Здравствуйте.

– Вот кормить вас пришла, дочка совсем доходягой стала...

Марк взглянул на пышные формы Регины, ничего ровным счетом не понял, но кивнул и направился в свой кабинет.

– Куда? – схватила его за рукав Ольга Карловна. – Вы ее начальник?

– Вроде, – осторожно сказал Марк.

– Так вот и садитесь тоже. Если вы ее так загоняли, то сами, значит, и вовсе того...

Женщина говорила смешно и малопонятно, Марк едва сдерживал улыбку. Ольга Карловна крепко держала его за рукав и ничего не желала слушать. Не драться же с ней.

– Успеете наработаться...

Она постелила на столе салфетку, закрыла дверь. Пока они ели, она успела рассказать историю своей семьи от пятого колена. Между делом она упомянула, что похоронила недавно горячо любимого мужа. Марк выразил ей искреннее сочувствие.

– Но жизнь продолжается, – внушала Ольга Карловна. – О детях нужно думать. Одна я теперь у них. Дети – это самое главное в жизни. Дети – это прежде всего...

Марк кивал задумчиво и возил ложкой по дну тарелки. Щеки Регины все это время то наливались ярким румянцем, то полностью теряли всякий цвет...

На следующий день, собираясь на обед, Марк посмотрел на Регину.

– Ты идешь обедать? – спросил он, памятуя просьбу Ольги Карловны присматривать за дочерью, которая «собирается себя совсем уморить».

– Не знаю.

– Пойдем, пойдем, – засмеялся он, – а то снова мама явится.

Она засмеялась, встала. Он оглядел ее фигуру гораздо более внимательно, чем вчера, но так и не понял, отчего ее мать бросилась вдруг бить тревогу. В самом соку женщина... И они отправились в кафе. Он рассказывал о перестройке стадиона, а она жадно ловила каждое его слово. Марк так воодушевился, что спросил, может ли он рассчитывать на ее помощь в несколько щекотливом деле? На помощь и на полное молчание? Регина была сама искренность. Разумеется, может. Разумеется, никому она ничего не расскажет. Да и некому ей рассказывать. Нет у нее никого: ни подруг, ни друзей.

Марк притащил Регине кучу смет и попросил сделать кое-какие расчеты. Она трудилась над ними несколько дней и подсказала ему, где и как можно сэкономить. Он посмотрел на нее внимательнее.

– Ты молодец. Я и не думал.

– Брось, Марк. Чего тебе обо мне думать? – блеснула она на него взглядом, исполненным отчаяния.

Это было похоже на признание. Марк вздрогнул. Запнулся. Но решил все-таки спустить все на тормозах. Пожал ей руку, заговорил о текущих делах. Но после этого многое изменилось. Он уже знал, что Регина – большая умница, понимающая его с полуслова.

А Ольга Карловна тем временем отыскала в городе дом, вокруг которого полыхали оранжевые ноготки. Она постучала в дверь, сказала, что пришла с важным разговором. Открывшая ей женщина высоко держала голову и ждала, что скажет гостя. Таковую не проведешь. И Ольга Карловна решила положиться на судьбу – будь что будет – и начать с главного.

– Моя дочь – очень положительная девушка, – сказала она. – Не молоденькая, но и не ветреная зато. С огромным уважением относится к старшим, я вас уверяю. Моя дочь любит вашего сына.

Хозяйка достала немецкий старинный сервиз, заварила чай в чайнике из чистого серебра. Разговор состоялся – к удовольствию обеих женщин.

Через некоторое время мать слегла. Закатывала глаза к небу.

– Послушай, – говорила она сыну, – чтобы за мной ухаживать, нужна женщина. Заботливая, взрослая женщина. Не нужны мне твои медсестрички за деньги. Они только о танцуйках думают...

И Марк обратился к Регине. И Регина помогла.

– Вот эта, я понимаю, – говорила ему потом мать с какими-то мужскими интонациями. – Куда ты только смотришь? Помру, кто твоей Дашке будет нос утирать?..

Марк теперь реже огрызался и чаще задумывался. Он уговаривал себя, что это только ради детей, что нет тут ничего против Бога, нет никакой измены памяти. Он всегда будет помнить Юю. Регина просто будет жить рядом, растить его детей и... Иногда он будет с ней спать. От одной этой мысли Марку становилось жарко, хотелось принять холодный душ. Провести два года без женщины не так-то легко для такого, как он. Иногда, забывшись, он представлял, как касается ее большой груди и... О Господи!

– Мертвые – для мертвых, живые – для живых. Думаешь, она хотела, чтобы ты жил и мучился? Да она там, – мать тыкала пальцем в потолок, – слезами, бедная, поди, обливается, глядя, что детки ее не пристроены, что некому их, сиротиночек, приласкать...

– Кончай, мать!

Марк мучился, метался, а Регина словно ни о чем и не догадывалась. Была ровной, спокойной, понимала с полуслова, работала за двоих, не прятала взгляд. Марк кусал губы, она поднимала бровь. Он плавал в неуверенности, она была непоколебима. Она теперь казалась ему значительнее, сильнее. Она поможет ему преодолеть себя.

Он решился, привез ее домой поработать, но как-то все не мог сказать главного. А ведь стоило только сказать, он чувствовал это. Или даже нет, не сказать, просто протянуть руку – и она осталась бы с ним. Неожиданно пришел из школы Сашка. Встреча была скомкана.

Но через несколько месяцев он не выдержал. Задержался на работе дольше обычного, она тоже осталась, предложил подвезти, а в результате привез к себе. Марку не показалось удивительным, что у нее в сумке оказался и зеленый яркий халатик, и блестящие нарядные шлепанцы. Их первая встреча была бурной и короткой. Он отвез ее домой. Чмокнул у двери в щеку.

Эта встреча выпустила джинна из наглухо запаянной бутылки, и вернуть его обратно было невозможно. Как давно не было у него женщины! И как же это, оказывается, бывает... Прекрасно? Сильно? Глупые слова, это необходимо – как воздух, как земля под ногами.

В годовщину смерти Ии он выпил лишнего на поминках и поссорился с матерью, она ушла, так и не вымыв груды грязной посуды, оставшуюся после гостей. Через полчаса, кажется около одиннадцати, в дверь постучали. «Вернулась», – добродушно усмехнулся он, радуясь своей победе, готовясь к примирению. Но на пороге стояла не мать – Регина.

– Извини, что не пришла. Не хотела мешать. Давай помогу...

Но он не позволил ей идти на кухню. Сашка заболел, ни к чему греметь посудой. Он говорил чистую ложь, не понимая еще, почему дыхание становится таким тяжелым, а сам вел ее в свою спальню. Не вел, а властно тянул за руку, почти волок к кровати, задыхаясь от нетерпения...

Разумеется, все теперь было совсем по-другому. Легкость отношений с Региной, ее прямота спасали. Его одиночество было побеждено. Он мог говорить с ней часами. Недаром первая жена – от Бога, а вторая – от людей. Не играла больше небесная музыка, но кто знает, сколько лет она играет для человека?

Он еще не думал о детях, о том, как скажет им о своем намерении. Намерение созрело, он решил жениться и объявил об этом Регине. Она честно ответила, что ждала этого, что, конечно, она согласна.

Назавтра он собирался сказать об этом детям и матери. Но случилось непредвиденное. Утром к нему в комнату спустилась сонная растрепанная Даша, хныча сообщила, что «Саши нету». Они с Региной побежали наверх. В комнате было холодно, окно, выходящее на крышу, было чуть приоткрыто. Марк не в силах был пошевелиться, ему казалось, что там, под окном, непременно должно быть что-то страшное. Крыша была мокрой от дождя, у Сашки была температура и, возможно, бред. Да-да, врач сказал, возможно...

Рина выглянула вниз, дернула его за руку – нужно искать: чего ты замер? Они схватили куртки, бросились к двери. «Я одна бою-у-у-усь!» – бросилась за ними Даша. Рина осталась, взяла ее на руки, понесла одеваться. Марк бегал по парку, спотыкаясь, шаря глазами... Нет, здесь негде спрятаться. Он побежал к соседям, к одним, к другим, поднимал с постелей, тормозил, спрашивал. Никто не видел Сашку. Марк поехал к матери. Может быть, он у нее? Мать так и села в коридоре от его вопроса, оделась, заставила ехать в милицию. Там дежурный списал несколько листов, сказал, чтобы ждали дома. Когда они вернулись, Марк застыл у телефона.

Каждый звонок выводил его из себя. Звонили с работы, все время с работы. Он наорал на Андрея, совсем расстроился, и тогда к телефону села Регина. Она быстро отвечала, что Марк болен, и просила не беспокоить сегодня больше. Мать увела Дашу на кухню, покормила. Даша напоминала потерянного щенка. Ходила, заглядывала в глаза, улыбалась вопросительно... Но никто в этот день не улыбнулся ей в ответ. В конце дня позвонили из милиции, сказали, что нашли парнишку. И хотя сказали, что волосы у мальчика светлые, а не темные, Марк поехал в отделение, а вдруг...

Все было как во сне, как в кошмарном сне. Они сидели и ждали, шли дни, прошла неделя, Марк забывал побриться, он все сидел и тупо смотрел на телефон. Иногда подходила Даша, тогда он обнимал ее крепко и твердил: «Бедные мы с тобой, бедные...»

9

Ночью машинисту поезда, который полупустым шел в Санкт-Петербург, в темноте померещилось что-то темное впереди на рельсах. Человек? Машина? Он стал тормозить и через минуту увидел лося. Машинист смачно выругался. А в пятом вагоне, в третьем купе, на полу лежал мальчик. Он не мог вытереть со лба горячие капли пота, и они заливали глаза. Не мог, потому что, когда поезд затормозил, упал с верхней полки, стукнулся спиной о столик между диванами и не мог пошевелиться.

На следующий день утром, когда поезд прибыл на Московский вокзал, его нашла проводница. Она не знала, откуда взялся этот мальчик, кто он такой и почему без сознания. Ей не нужны были неприятности, поэтому она клятвенно заверила начальника поезда, что тщательно осматривала все купе и сест в поезд мальчик мог только на последней станции, в пятидесяти километрах от города. Вызвали «скорую», сообщили, что мальчик залез тайком в поезд на последней станции, туда и направили запрос из милиции. Через два дня Саша пришел в себя на больничной койке, и тут же к нему подсел милиционер. Он смотрел строго, спрашивал: кто он и откуда. Но Сашка молчал.

– Он все время молчит, – сказала медсестра. – Немой, наверно.

– Ты говорить можешь? – спросил тогда милиционер.

Сашка отрицательно покачал головой.

Ему делали уколы, ставили капельницы, а он молчал. Стонал иногда потихоньку – так болела спина, но молчал. Он выиграл свою битву и не позволит никому отнять его выигрыш. Он не вернется домой. По крайней мере сейчас, маленьким и слабым. Он вернется туда через – Сашка загибал пальцы – через четыре года. Вернется только затем, чтобы забрать Дашку, которая к тому времени непременно будет походить на маму как две капли воды.

Три долгих месяца в больнице, боясь разоблачения, поэтому не имея возможности поговорить со сверстниками, он предавался мечтам. Ему грезилось, как через четыре года он возвращается рослым и сильным юношей, как Дарья бросается ему на шею, как отец, его постаревший за это время от горя отец, подслеповато шурясь, идет ему навстречу с опущенной головой. И говорит ему, что никакой Регины нет и в помине, что он прогнал ее в ту же ночь, как только он, Сашка, сбежал. Четыре года пролетят быстро, думал Сашка. Четыре года пролетят как четыре месяца...

Из больницы его перевели в детский дом. И это нужно пережить, думал он, чтобы доказать им... Только вот со спиной происходило что-то неладное. Компрессионный перелом позвоночника давал о себе знать. Теперь он не мог выпрямиться, вытянуться во весь рост. Сначала ему казалось, что это сутулость – он быстро растет, поэтому и сутулится. Рос он действительно быстро, но так и не расправил плечи, не вырос выше отца. Вместе с ним за спиной рос горб. Он понял, что это горб, только тогда, когда новенькие в детдоме стали дразнить его горбуном. В голове метались белые всполохи, он бросался на обидчиков с яростью. А дальше ничего не помнил. Совсем ничего не помнил, не понимал, почему его держат за руки, почему руки сжаты в кулаки, почему на них пятна крови, а напротив мальчишка, и лицо его с кровавыми размазанными подтеками. Его прозвали Волком. Он ухмылялся. Волки представлялись ему гораздо более мирными созданиями, чем он. Волки казались ему ягнятами. Но он не знал, что Волком его прозвали не только за безжалостность, но и за то, что он был по ночам так, что у ребят, живущих с ним в одной комнате, холодели сердца.

Он привык выть и мычать, объясняться жестами. Ночами ему снился один и тот же сон: он на пороге родного дома. Сияющая Дашка, состарившийся отец... Он так запрограммировал свою голову, что каждый божий день на протяжении нескольких лет видел один только сон. Но неожиданные пробуждения посреди ночи заставляли его вспомнить, что он

теперь – горбун. Он думал о том, что Дашка может и не броситься к нему на шею, а отец посмотрит на него сверху вниз. И почти каждую ночь из его рта непроизвольно вырывался вой, так похожий на волчий...

К горбатому Волку не приставали мальчишки, и даже воспитатели ни разу не прошлись по его страшной спине мокрым крученым полотенцем, которым охаживали здесь всякого, кто выбивался из общего режима. Врагов у него не было, но не было и друзей. Он в них не нуждался. Детство окончилось быстро. Иногда ему хотелось вспомнить, когда же это произошло. Тогда, когда он взял в руки тяпку, или когда шел через знакомый с детских лет парк, или от этой страшной боли в спине там, в больнице. Ребенок тихо умер в нем, а взрослый так и не объявился ему на смену. Он ощущал себя скорее животным, чем человеком. Через два года полного молчания он научился думать без слов. Его должны были направить в училище, но никто не знал его возраста. И он так и не попал туда, а попал совсем в другое место, жизнь его, оборвавшаяся, когда он скользнул вниз по замерзшей крыше, катилась теперь все время под уклон, и он чувствовал это заранее. Как чувствует хищник приближение охотника, щелчок затвора, свист пули...

В тот день, когда произошел в его жизни новый обвал, ему исполнилось пятнадцать лет. Никто не знал об этом, кроме него. В этот день он проснулся раньше обычного, пока все еще спали, долго лежал в кровати с закрытыми глазами. Под ресницами проплывало лицо Дашки. Черные глаза смотрели на него с восторгом и удивлением... Другое лицо было гораздо старше, гораздо красивее, оно рассыпалось на тысячу белых всполохов, рассыпалось белыми перышками, ангельскими, может быть... Сашка повернулся на живот, уткнулся в подушку. И через минуту ощутил на своем затылке чью-то руку.

Никто не смел трогать его. Он встrepенулся, но рука не пускала, прижимала голову к подушке. Спина болела больше обычного, сил со сна не хватало, но отчаяние загнанного зверя сильнее человеческой немоши. Он рванулся, освободился, вскочил, оскалился... Перед ним стоял новый воспитатель. Стоял и беззвучно смеялся. Он пришел к ним работать недавно и был не похож на остальных. Он носил галстук, от него пахло хорошим одеколоном, почти таким же хорошим, как у отца. Рубашка была отутюжена, взгляд был мягким, с поволокой, каким-то женским, что ли, был этот взгляд...

Он захлопал в ладоши: подъем, зарядка. Ребята заворочались, потягивались сонно, он еще раз посмотрел на Сашку, прищелкнул языком, вышел.

Нового воспитателя звали Толиком. Еще совсем недавно его звали так сокурсницы по педагогическому институту. Поступил он туда наугад, вовсе не собираясь посвятить всю свою жизнь школе, детям, как девчонки в его группе, где он оказался единственным представителем мужского пола. На первом курсе все девчонки поголовно были в него влюблены, писали записки, назначали свидания. За год он успел встретиться с каждой, потому что отказывать не умел, не хотел никого обидеть. Но после первого же свидания все они, как одна, становились его подружками. И к концу первого курса он был для них такой же подружкой-девчонкой, как и все остальные. Девчонки его не стеснялись, рассказывали о своих сложностях с ребятами, поправляли бретельки лифчиков у него на глазах, просили застегнуть непослушный крючок блузки. На втором курсе он знал все о каждой и обожал своих девчонок: сочувствовал им, принимал близко к сердцу их мелкие горести, обнимал, целовал холодные щеки, но никогда при этом, ни разу не испытывал никаких мужских чувств. Его организм никак не реагировал на девичью близость, хотя сердце было переполнено любовью к ним и участием.

Однако Толик не слишком задумывался об этом. Он вообще мало о чем задумывался. Его жизнью управлял господин случай, и это его вполне устраивало. Однажды он замешкался после лекции. Чернила вытекли из ручки и перепачкали все конспекты. Пришлось выкладывать все из сумки, протирать ее платочком, потом снова собирать вещи. И тут кто-то

накрыл ладонью его руку. Толик поднял глаза, и все внутри у него перевернулось, по жилам пробежал неведомый доселе огонь. Перед ним стоял преподаватель и заглядывал ему в лицо. На минуту он сжал его руку и требовательно потащил к своему столу.

Анатолий был в панике. Он чувствовал себя приблизительно так же, как обнаженная купальщица, которую захватили на берегу солдаты. Истомленная, перезревшая купальщица, какими их обычно изображают живописцы фламандской школы, испытывающая священный ужас скорее перед силой надвигающегося наслаждения, чем перед насилием. У стола преподаватель резко обернулся и впился губами в его рот. Взрыв, туман, отчаяние и сладкая, сладкая дрожь...

Эго повторялось несколько раз. Они прятались по углам, поджидали друг друга после занятий. В общем – сошли с ума. Так продолжалось с месяц. А потом случайно – опять случайно! – их кто-то заметил не в самый лучший момент. По институту поползли слухи. Молодой преподаватель, не дожидаясь официальных действий деканата и дотошных комсомольских разбирательств, перевелся в университет и не оставил Анатолию своих координат. «Будь осторожен, бойся шума», – только и сказал он ему на прощание.

Когда подошло распределение, кто-то в деканате вспомнил о сплетнях, о той грязной истории, поэтому ему досталось малоприятное направление – в детский дом. Аргументировали это тем, что он единственный мужчина на курсе, не девочек же туда направлять... Анатолий хлопал глазами, кто-то из членов комиссии не выдержал, усмехнулся и тут же достал носовой платок, начал сморкаться, виновато поглядывая на коллег...

В детском доме Анатолий отчетливо понял, чего хочет. Он не бил мальчиков, это казалось ему невозможным, непрослительным. Он любил приобнять кого-нибудь за плечи, только самую малость, прижаться в суматохе столовой случайно. Горбатый мальчик, которого все почему-то называли Волком, поразил его воображение. Все считали Волка уродом, шарахались от него как от чумы. Он разглядывал украдкой его лицо и поражался, до чего же оно красиво. Особенно эти синие глаза, будь в них побольше жизни и поменьше этого мертвого льда... А сильнее всего его возбуждало то, что мальчик немой. Он провел эксперимент в спальне – придавил его голову к подушке. Тот не закричал, не завыл, барахтался молча. Значит... «Бойся шума». Значит – он не закричит и никому не расскажет. Анатолий давно уже лелеял в мечтах сумасшедшие надежды и сгорал от нетерпения воплотить их. «Почему бы ему не полюбить меня? – рассуждал он. – Такой одинокий мальчик. Все его сторонятся, никто с ним не разговаривает. Я разделю и скрашу его одиночество. Я буду его другом. Мы будем осторожны, очень осторожны...»

Он ничего не понял, этот Анатолий. Он был наивным романтиком, ему хотелось отдать свою любовь синеглазому несчастному мальчику. Он и не думал, что такая любовь не всеми может быть принята. Он считал, что уродство мальчика вполне соответствует уродству его любви. Два уродца, отвергнутые всеми, они обязательно должны понять друг друга. И он сделал навстречу первый и решительный шаг...

Поскольку Бог не наградил его воображением, он решил сделать то же самое, что сделал с ним его учитель когда-то. Он искренне считал, что это единственный способ знакомства, сближения, своеобразный пароль... Он спрятал его брюки после бани и, дождавшись, когда все уйдут, закрыл дверь на задвижку, протянул ему пропавшие штаны, а потом подошел и прижался губами к его рту. Волк замер так же, как и он когда-то. Анатолий возликовал: все повторяется... Он провел рукой по теплой спине Волка, по животу, нырнул под брюки...

Но это было все, что он успел запомнить. Сашка замер совсем по другой причине, чем подумалось воспитателю. Белые всполохи запрыгали перед его глазами, а движение омерзительной руки воспитателя превратило эти всполохи в белое пламя, лишившее его рассудка... Никто так и не узнал, что же произошло в остывающем предбаннике. Слышали только бешен-

ный рев Волка, глухие удары... А когда взломали наконец дверь, то Волк выгибался в дугу на каменном полу и хрипел, брызгая белой пеной. Толик тихо лежал в другом углу.

Волка увезли в «скорой помощи», а воспитателя – в другой машине. Ему не нужна была помощь. Его затылок превратился в сплошное кровавое месиво...

Пошли разговоры, что воспитатель приставал к Волку. Всплыло что-то в этом роде на допросах знакомых Толика. Волк за все время не произнес ни слова. Для его допроса пригласили специального следователя, который умел обращаться с глухонемыми. Но Волк ни разу даже не качнул головой.

Так все его планы ухнули в небытие. ФЗУ, запланированный на осень побег в родной город, встреча с Дашкой – все это на три года было окружено колючей проволокой. Его снова сочли малолетним и отправили в колонию под Колпино.

10

Марк открыл глаза ранним утром, как только отворилась дверь. Он сел и внимательно посмотрел на вошедшую медсестру, которая застыла на пороге от ужаса. Молодая девчонка, что с ней разговаривать.

– Где я?

– В больнице, – пролепетала она, и в ее лице не осталось ни кровиночки.

– И что со мной было? Почему ты так на меня смотришь?

Девушка чуть не плакала, и ему стало жалко ее.

– Позови главного.

Она зазвенела бутылочками с лекарствами, выскочила, побежала по коридору. Марк внимательно осмотрелся: на окнах были решетки, странно. По крайней мере можно сказать с уверенностью, что это не вытрезвитель. Вошел молодой мужчина, и Марк бросил ему под ноги ремни.

– Ваши? Возвращаю.

– Наши, – врач поднял с пола ремни, – да вы никак обиделись на нас?

Марк внимательно посмотрел на него.

– А обижаетесь-то вы зря. Это наши сестрички должны на вас обижаться. У одной синяк под глазом, другой нос так расквасили, что она сегодня больничный взяла.

Марк поднял брови:

– Я?

– А то кто же! Вы, конечно, без сознания были, я понимаю. А ремни – это я приказал. Мне, знаете ли, не улыбалось без персонала остаться, – усмехнулся врач.

– Где я?

Молодой врач удивленно огляделся:

– Не поняли еще? Вы в больнице!

– А почему решетки на окнах?

– Решетки? А время сейчас какое? Наркоманы лезут во все щели. А у нас лекарства всякие, знаете ли. Вот и приходится закупориваться. Кстати, Валера, – протянул он руку.

Марк помедлил, но все-таки пожал ее, не глядя врачу в глаза:

– Марк Андреевич. Так что со мной было?

С тех пор как он ушел к Ольге, его здоровье здорово пошатнулось. Истории всевозможных болезней, которые он хранил дома, пухли день ото дня. После одного особенно тяжелого приступа он вызвал из Санкт-Петербурга дочь. Кто знает, сколько ему осталось... «Перенес на ногах обширный инфаркт, как простуду, – радостно сообщал он Даре. – Вот смотри», – и показывал снимки, графики, результаты анализов. Он испытывал гордость оттого, что мужественно справляется со смертельными недугами. Он не думал лечиться или хотя бы прекратить употреблять спиртное в таких количествах. Нет. Его радовала сама схватка со смертью, которая тянулась вот уже несколько лет...

– С вами что было?! О! Вы тут такое вытворяли! В полусознательном состоянии, сахар – на нуле, галлюцинации. Еле вывели вас из комы.

Марк пожал плечами.

– Ну вывели так вывели. А теперь я хочу домой.

– Через два дня, – пообещал Валера. – А пока, извините, поколем вас немного.

– Тогда телефон, срочно, – приказал Марк.

Валера нахмурился, вздохнул, полез в карман халата.

– Это вам, – протянул он Марку лист бумаги.

Ольга молила его аккуратно выполнять рекомендации врача, обещала прорваться к нему завтра, в больнице сейчас карантин, не пускают, но она уже нашла главврача – он обещал ей завтра, в виде исключения. А теперь пусть Марк будет умницей, пусть позволит этим извергам хоть немного себя полечить. Полстранички было посвящено всевозможным нежностям, но Марку почему-то сейчас не захотелось их читать.

– Уже прочли? – удивился Валера.

– Колите, – сказал Марк, протягивая руку.

Валера выглянул в коридор, втащил вздрагивающую медсестру, взял у нее из рук шприц, жгут и улыбнулся во весь рот...

Марк откинулся на кровать, когда Валера еще не закончил вводить лекарство. В голове застучали тысячи молоточков, что-то зажужжало, поехало, поплыли картинки, он снова погружался в бездну. И бездна жадно приняла его в свои объятия...

– Идиотка! – визгливо орал Валера в коридоре на медсестру. – Да я тебя... Я тебя с такой формулировкой уволю к чертовой матери, никуда на работу не устроишься! Чтобы не смел глаза открыть! Через каждые пять часов колоть, заруби себе это на носу, Лада...

Он произнес ее имя, словно грязное ругательство. Девушка плакала, отирая глаза кулачками, кивала, снова плакала. Сердце девушки было разбито. Ей так нравился Валера, так нравился. А теперь он кричит... Девушка захлебывалась слезами.

Валера закрыл дверь на ключ, пошел по коридору. Полы его несвежего халата развевались, лицо кривилось брезгливой гримасой. У двери своего кабинета он остановился, закрыл глаза, постоял немного и только потом вошел.

– Все в порядке? – От неожиданности женщина уронила сигарету на пол, осыпая себя пеплом.

– Да, – выдохнул Валера, – пришлось отдать записку, иначе...

Они несколько секунд смотрели напряженно друг на друга.

– Сильный мужик, я даже не ожидал. Не так-то просто с ним справиться.

– Сколько? – поджав губы, спросила женщина.

– Думаю, процентов на пятьдесят больше, чем договаривались.

– Хорошо. – Она достала из сумочки портмоне, вынула деньги.

Валера завороченно шевелил губами, считая.

– Сейчас только треть. Треть – когда вывезете его. Треть через два месяца, когда я оформлю документы.

– А потом?

– Не ваше дело! – сказала женщина зло, она встала, ее глаза оказались точно на уровне его глаз. – Потом я его заберу, и ни одна живая душа, слышиш-ш-шь?... – прошипела она.

– Слышу...

И только когда она выходила, когда открыла уже дверь, он пришел в себя:

– А записку он твою не дочитал, Ольга.

Она вышла, бесшумно закрыв за собой дверь.

11

Луиза Ренатовна Сумарокова сновала из комнаты в комнату тихо, на цыпочках. Муж вернулся из Канады, с конференции, завтра у него операция, а сегодня единственный день для отдыха. Но полноценного отдыха сегодня у него не будет, понимала Луиза, кусая губки, обдувая челку с лица. К сожалению, не будет. Взрослая дочь – бессонные ночи, нечаянные неприятности. Он ведь сам говорил ей, если что – сразу, слышишь, тотчас же ко мне. Я во всем разберусь, я все устрою. Вот и пусть устраивает.

Марья Александровна готовила ужин на кухне. Луизе необходимо было отлучиться в парикмахерскую, сделать маникюр. Завтра мужа будут чествовать на самом высоком уровне. Но она все медлила, прислушиваясь к его ровному дыханию из-за чуть приоткрытой двери. Может быть, не стоит говорить ему? Нет, стоит. Она так беспомощна. Да, разумеется, это женские дела. Только Луиза таких женских дел совсем не понимала. У нее никогда не было несчастной любви. Феликс был для нее и первой любовью, и первым мужчиной, и мужем, и отцом ее ребенка. Любовь без немедленного замужества, без предложения руки и сердца казалась ей невозможной. «Если мужчина любит, он всегда женится. Остальное – от лукавого», – говорила ей мать. И как это все могло так сложиться у Лады, при таком воспитании, при таких родителях?

Ах, вздыхала Луиза, нравы теперь у молодежи совсем другие. Столько вокруг проходимцев, столько всяких... Но Ладушке попался проходимец из проходимцев. Луиза видела его на снимке: отвратительный, слащавый франт. И как ее угораздило?

В дверь позвонили. Господи, как громко. Луиза прислушивалась одновременно к дыханию мужа из спальни и к быстрым шагам Марьи Александровны на кухне.

– Максим, голубчик, – говорила Марья Александровна, – я же просила тебя не звонить, я же сказала, что ровно в четыре открою дверь. А сейчас только четверть четвертого...

Луиза вышла в прихожую. Ей очень нравился этот молодой человек, внук домработницы. Она, собственно, и не считала Марью Александровну домработницей. Та была ее поверенной, ее помощницей, безотказной и надежной. Чудный, воспитанный мальчик, учится на пятом курсе, компьютерный бог, как утверждал ее муж.

– Здравствуйте, Максим.

Марья Александровна уже взяла сумку из его рук и помчалась назад на кухню.

– Здравствуйте, Луиза Ренатовна. Извините, у меня экзамен перенесли, вот я и...

– Ничего, ничего, – успокоила Луиза. – Феликса Николаевича разбудить не так-то просто. Как сессия?

– В разгаре.

– Пятерки?

– Как обычно.

– Практика?

– Вашими молитвами. Феликс Николаевич решительно берет меня к себе. Право слово, мне даже неудобно. Есть программисты и получше...

– Не скромничайте, Максим, это же замечательно. Феликс никогда не протезирует бездарностям, знакомство тут ни при чем, вы же понимаете. У вас талант, настоящий талант. – Луиза вздохнула и рассеянно погладила молодого человека по плечу.

Максим напряженно смотрел на нее.

– У вас неприятности?

– Неприятности? Да нет, знаете, как говорят: «Большие детки – большие бедки».

– С Ладой что-то? – спросил Максим, стараясь говорить как можно спокойнее, чтобы не дай бог Луиза ни о чем не догадалась.

Но Луиза давным-давно обо всем догадалась. Еще тогда, когда Максим стоял год назад и смотрел на Ладу из окна на кухне в первый раз. Их познакомили. Это – Лада, а это – внук Марьи Александровны, учиться в Ленинграде. Но Лада даже не взглянула на него, бросила через плечо: «Привет!» – и уплыла в свою комнату. А потом, когда мать заговаривала о перспективном мальчике Максиме, которого папа берет к себе в институт после окончания учебы, она никак не могла его вспомнить: «Максим? Какой Максим?» Луиза вздыхала, кусала кончик ногтя мизинца, притворно сердилась: «Да ведь я вас знакомила». – «Не помню», – Лада не притворялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.